

ДЬЮЛА КРУДИ

Король цирка

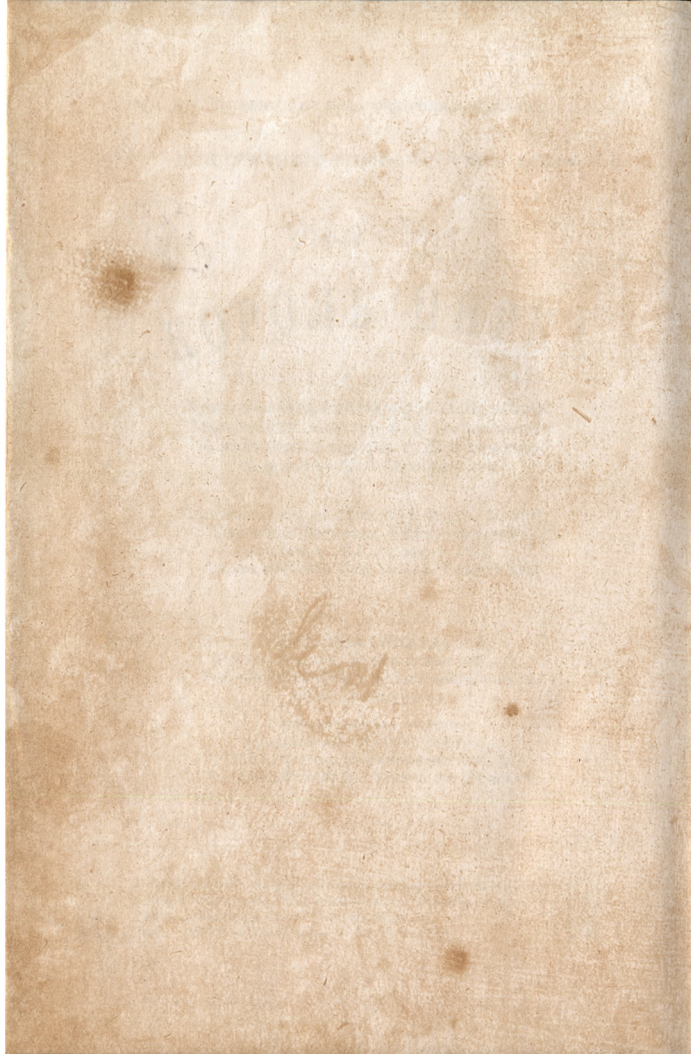

ISBN 978-5-91921-270-6

9 785919 212706

Дьюла Круди

КОРОЛЬ ЦИРКА

Перевод с венгерского

Москва
ЭНАС-КНИГА
2014

УДК 82-3
ББК 84(4Вен)-44
К84

Gyula Krúdy
A cirkusz-király

Перевод с венгерского С. ВОЛЬСКОГО
Художник А. ВЛАСОВА

Круди Д.
К84 Король цирка / Дьюла Круди ; пер. с венг.
С. Вольского ; худож. А. Власова. – М. : ЭНАС-
КНИГА, 2014. – 200 с. : ил. – (Книги на все вре-
мена).

ISBN 978-5-91921-270-6

Герой повести Миклош, прирожденный гимнаст, с детства мечтал о путешествиях и героических подвигах. Он покидает отчий кров и присоединяется к бродячей цирковой труппе. В скитаниях по Балканским странам юный гимнаст со своими друзьями – цирковыми артистами – переживает немало опасных приключений. Мастерство Миклоша растет; его приглашают в знаменитый на весь мир парижский цирк, где признают «королем цирка». Но на вершине своего успеха Миклош осознает, что все годы странствий его не оставляла тоска по дому. Он возвращается в родные края и там находит свое счастье.

Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84(4Вен)-44

ISBN 978-5-91921-270-6

© С. Вольский. Перевод на русский
язык, 2014
© А. Власова. Иллюстрации, 2014
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2014

Предисловие от издательства

Венгерский писатель и журналист Дьюла Круди (*Gyula Krúdy*) родился в 1878 году в семье адвоката.

Вопреки планам отца юноша рано занялся журналистикой, за что и был лишен наследства. Он самостоятельно зарабатывал на жизнь сначала в Дебрецене и Ораде, затем перебрался в Будапешт. Первая книга новелл писателя вышла в 1897 году.

Некоторое время Круди работал в редакции известного венгерского журнала *Nyugat* («Запад») и продолжал активно трудиться на литературном поприще. Цикл новелл, составивших книгу «Приключения Синдбада» (*Szindbád ifjúsága és utazasai*, 1911), роман «Подсолнух» (*Napraforgó*, 1918) и другие произведения имели значительный успех.

За свою жизнь Дьюла Круди написал около 60 романов и повестей, а также более 3000 рассказов. В 1930 году ему была присуждена престижная литературная премия Баумгартена.

Тем не менее судьба не была благосклонной к писателю. В 1933 году он умер в Будапеште, практически забытый своими поклонниками.

Известность вернулась к Дьюле Круди уже после смерти. В 1976 году на экраны вышел фильм венгерского кинорежиссера Золтана Хусарика «Синдбад». Кинолента, снятая по мотивам новелл Круди, получила многочисленные премии. После этого появились экранизации и других произведений писателя.

Ныне наследие Дьюлы Круди по достоинству оценено современниками – литературные критики нередко называют писателя «венгерским Прустом».

Повесть «Король цирка» (*A cirkusz-király*) вышла в свет в 1906 году. Ее главный герой с юных лет работает в цирковой труппе. Талантливого гимнаста по праву признают «королем цирка», но юношу не оставляет тоска по дому. Необъяснимое чувство зовет его в родные края...

Повесть впервые публикуется на русском языке.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой мы познакомились с молодыми
и не очень молодыми героями этой истории,
в том числе и с одним выпускником
семинарии*

Когда начинается роман, в большинстве случаев читатель не представляет себе, в какие края и к каким персонажам поведет его автор, веселые или грустные истории разыграются перед ним на страницах книги. Иногда и сам автор не знает в точности, что делать с тем или иным персонажем.

Ведь с чего начинается сочинение романа?

Доводилось ли вам видеть коллекцию бабочек, где в одном ряду, пришпиленные булавками, соседствуют крошечные бабочки-капустницы и огромные махаоны с роскошными узорчатыми крыльями, напоминающими королевскую мантию? У каждого писателя есть коллекция, подобная этой. Только в его заветной шкатулке

содержатся не пришпиленные с должной аккуратностью бабочки, а самые разные представители рода человеческого, вернее – образы тех, кого он когда-то видел или о ком только слышал.

Но есть в этой коллекции и персонажи, созданные воображением автора. У кого-то из писателей эта коллекция больше, у кого-то меньше, но в каждой имеются свои маленькие бабочки-капустницы (обыкновенные, ничем не примечательные люди) и свой махаон (незаурядная, исключительная личность).

Итак, если мы собираемся писать роман, выберем из заветной шкатулки несколько «бабочек». И выстроим их в ряд, как дети выстраивают оловянных солдатиков. Один из этих солдатиков станет королем, другой – слугой, третий – злодеем... Но кто может предугадать, чем кончится эта игра? Не пострадает ли во время игры кто-нибудь из героев, не поменяются ли в итоге ролями король и слуга и не превратятся ли злодей в добропорядочного обывателя? Некоторые оловянные солдатикі выпадут из строя.

По окончании игры все они снова будут убраны в шкатулку, а на другой день эта забава возобновится...

Главный герой нашей истории родился на берегу Тисы*. Там, на окраине села Ньиришаш,

* Тиса – река в центральной Европе, левый и самый длинный приток Дуная.

стоял просторный старый дом, принадлежавший семейству Касони. Глава семьи Михай Касони был уже в годах, но славился необыкновенным трудолюбием и, будь он даже вдвое старше, все равно каждый день с рассветом был бы уже на ногах. Помещик Михай Касони вставал, едва начинало светать, а прислуга и домочадцы еще досматривали утренние сны. И частенько поговаривал:

— Если бы мои предки не валялись до полудня в постели, то я мог бы дрыхнуть хоть до заката. Но, по крайней мере, моим сыновьям не надо будет просыпаться ни свет ни заря.

Двое сыновей было у старины Касони. Одного звали Миклош, другого — Янош. Они появились на свет с разницей в один год, и поэтому, когда Миклошу исполнилось шестнадцать лет, его младшему брату стукнуло пятнадцать. Это были статные, крепкие парни, внешне очень похожие друг на друга. Но на этом их сходство и заканчивалось, потому что они так сильно различались характерами, как будто и не были родными братьями. И отец все чаще в недоумении поглядывал на них и вздыхал:

— Что-то не пойму я вас, дети мои! Если бы вы хоть в чем-то уподоблялись друг другу! Если бы Миклош, как и Янош, любил лапшу с творогом!.. И так же любил бы книги, как любит их Янош!

Что верно, то верно: Миклош не любил книги. Хотя нет, это не совсем так. Он не любил только те книги, по которым приходилось учиться в школе. Они всегда нагоняли на него тоску. И он не раз говорил:

— Какой мне смысл учить греческий язык? Его уже и сами греки толком не знают. Лучше я почитаю что-нибудь приключенческое.

И запоем читал все приключенческие романы, какие только попадались ему под руку. И при этом так вживался в образы героев прочитанных произведений, что представлял себя то Робинзоном Крузо, то Робин Гудом. А еще, бывало, воображение уносило его в южноамериканские прерии, где он скитался, скрываясь от племени людоедов.

Иногда он неожиданно вскакивал с места и восклицал:

— Отец, разреши мне отправиться куда-нибудь в дальние края, где происходят всякие приключения! Я бы охотнее сразился с диким медведем, чем учил математику на уроках господина Качински. Это так скучно!

Михай Касони в таких случаях хмурился и раздраженно бурчал:

— Экий ты несмысленыш! Пойми, то, что пишут в книжках, не всегда является истиной. Я хочу, чтобы ты запомнил: истина — только то, что говорил мой отец, который слышал это от своего отца, и это с давних времен было запо-

ведью для каждого венгра. И я не устану повторять ее, пока ты не запомнишь: вне Венгрии нет жизни, а если и есть жизнь, то это не та жизнь. В этом изречении заключена отличительная черта венгерского характера. Кто истинный патриот, кто любит свою родину, тот не думает ни о чем, кроме как о ее благе. И если ты хочешь оставаться моим сыном, ты должен прилежно учиться, чтобы из тебя когда-нибудь получился достойный, образованный человек, на которого сможет рассчитывать родина.

Однако, несмотря ни на что, в отцовском сердце было столько нежности к нерадивому сыну, что Михай Касони никогда не ставил ему в пример младшего брата, дабы не задеть самолюбия старшего. Ведь Янош был поистине образцом для подражания. Благодаря своей дисциплинированности и успехам в учебе он очень скоро стал лучшим учеником в школе, на которого старались равняться одноклассники, а учителя не могли нарадоваться и в конце каждого учебного года буквально заваливали всевозможными наградами.

— А ты не завидуешь своему младшему брату? — спросил как-то у Миклоша один из его приятелей.

— Ну вот еще! Пускай он мне завидует. У нас живет черный дрозд, который учит уроки вместо меня. Когда я прихожу домой, он встречает меня

словами: «Имперфектум футурум»*. Глупая птица считает, что это означает «Добрый день!». Так какой смысл в этих знаниях?

Янош не был таким озорником и непоседой, как Миклош. Молчаливый и застенчивый, он оживлялся лишь в тех случаях, если надо было скрыть от отца какую-нибудь очередную проделку старшего брата. Случалось ему и брать вину на себя, как в тот раз, когда Миклош заездил буквально до хромоты любимую лошадь отца — серую в яблоках Банди, хотя ни для кого не было секретом, что сам он никогда не садился на лошадь.

Зато Миклош был лихим наездником, и его умению гарцевать на лошади мог бы позавидовать любой гусар. Управляющий имением Касони, седобородый дядюшка Мартонфалви, постоянно щеголявший в сапогах со шпорами, с нескрываемым самодовольством говорил:

— Это ведь я посадил Миклошку, когда ему было только шесть лет, на самого необъезженно-го жеребца. И Миклошка наловчился держаться на нем даже без седла. Вот как надо воспитывать всех венгерских детей!

Дядюшка Мартонфалви очень гордился успехами своего воспитанника, считая, что, если бы Миклоша исключили из всех школ страны, он бы

* Имперфёктум футурум (лат.) — будущее время не-совершенного вида.

ничего от этого не потерял. Ведь он уже освоил самую важную науку: пускать в галоп самую ровистую лошадь и делать на ее спине стойку на руках.

Когда над головой Миклоша после очередной проделки начинали сгущаться тучи, он каждый раз убегал от надвигавшейся грозы к дядюшке Мартонфалви, чей дом находился на краю села.

Так как Мартонфалви был уже настолько стар, что с трудом поднимал ноги и при ходьбе то и дело спотыкался, шаркая шпорами по земле, он, как правило, никуда не отлучался, а постоянно сидел на крыльце и попыхивал трубкой, выпуская в воздух колечки дыма.

Вот и в этот раз Миклош застал его на привычном месте.

— Ну что, дружок, ты опять набедокурил? — спросил старик, пряча улыбку в свою белую окладистую бороду.

— Так получилось! — горестно вздохнул Миклош. — Я прыгнул на лошади во двор к его преподобию, и эта неуклюжая Банди растоптала там цветочную клумбу. Но я не виноват. Это все из-за Эстике, которая не верила, что я смогу перескочить через саженный забор.

— Но ты все-таки перескочил! — торжествующе воскликнул Мартонфалви. — Я не сомневался, что из тебя выйдет искусный наездник. Я и сам в твои годы...

Улыбаясь своим воспоминаниям, дядюшка Мартонфалви раскурил трубку, откашлялся.

– Да, конечно! – перебил его Миклош, зная, что если дядюшка Мартонфалви начнет рассказывать о своей молодости, то этому конца-края не будет. – Но теперь отец грозитя выпороть меня, а он слов на ветер не бросает...

Дядюшка Мартонфалви вытряхнул из трубки пепел и принялся снова набивать ее табаком.

– Ничего! – проговорил он наконец. – Это не такая уж большая беда, чтобы бить тревогу. В молодости мне тоже доставалось от отца, ведь я был тем еще сорванцом! – улыбаясь своим воспоминаниям, дядюшка Мартонфалви раскурил трубку, откашлялся и продолжил:

– И все-таки во время освободительной войны я дослужился до лейтенанта, а в те времена это был такой высокий чин, как сейчас, скажем, генерал... Так что не огорчайся по пустякам, парень! Я тебе расскажу одну историю про цыгана-барабанщика. Ему в бою прострелили ногу, так он больше всего расстроился из-за того, что пуля проделала дырку в его нарядных красных шароварах. И начал кричать, что надел эти замечательные штаны вовсе не для того, чтобы их испортил какой-то немецкий придурок, который еще и стрелять-то толком не научился.

Дядюшка Мартонфалви знал множество подобных анекдотов, чрезвычайно забавлявших его самого. А ведь он по сто раз на дню рассказывал один и тот же анекдот. Каждый день – только один анекдот. Ложась спать, он его забывал.

И на следующий день приходилось рассказывать уже какой-то другой.

Миклош, уже много раз слышавший эту историю про цыгана-барабанщика, углубился в свои горестные мысли, переживая из-за ненароком уничтоженной клумбы на садовом участке сельского пастора. И, повинуясь какому-то внутреннему порыву, он внезапно вскочил с места и воскликнул:

– Дядюшка Мартонфалви, я думаю, сейчас самый подходящий момент, чтобы сбежать из дома. Ведь все на меня сердиты, а Янош расстроен из-за того, что не смог взять на себя мою вину. Ведь никто не поверит, что он сел на лошадь и заставил ее перепрыгнуть через забор... Так что лучше всего для меня было бы тайно пуститься в путь.

Старик-управляющий только хмыкнул в ответ. А затем показал на стаю ворон, с громким карканьем пролетающих в безоблачном небе.

– Ты знаешь, куда летят эти вороны?

– Нет, – отозвался Миклош.

– Вот видишь, ты даже этого не знаешь. Куда же ты отправишься, если покинешь отчий дом, где живешь на всем готовом?.. Пропадешь, потеряешься в этом мире. Ты еще слишком слаб для того, чтобы вести самостоятельный образ жизни. Подожди, пока окрепнет твой ум, пока окрепнут мускулы. А тогда уже можешь отправляться хоть на Камчатку. Тот цыган-барабанщик начал

сокрушаться о своих шароварах, только когда их уже продырявили. А до этого он как-то и не думал о них. Вот и ты точно так же начнешь сожалеть об отчем доме, когда покинешь его.

Они сидели за столом на веранде дома дядюшки Мартонфалви. В то время как старик пил вино, наливая себе из пузатого зеленого кувшина, Миклош пребывал в глубокой задумчивости. И только после долгой паузы наконец проговорил:

— Я ведь лучший гимнаст во всей школе. Если б дядюшка Мартонфалви только увидел, какие я упражнения делаю на турнике и на брусьях! И могу вскочить на несущуюся во весь опор лошадь. Думаю, меня взяли бы в какой-нибудь цирк...

— Да ты никак спятил? — в запальчивости напустился на него Мартонфалви. — В комедианты надумал пойти? Опозорить благородную фамилию Касони?! Брось эти глупости, сынок! Иначе твой старый дядька, который всегда и во всем тебя поддерживал, будет раздосадован сверх всякой меры. Подумай про того цыгана, подумай-ка!

Миклош не понял, почему он должен думать про цыгана, но переспрашивать не стал. Обуреваемый невеселыми мыслями, он забрался на высокое тутовое дерево, которое росло напротив веранды, и, усевшись на ветку, начал качаться на ней.

На село медленно опускались летние сумерки. С вершины дерева хорошо были видны все окрестности, в том числе и усадьба Касони. Миклош уже привык забираться на это дерево и высматривать, что там делается, когда, напроказничав, не осмеливался идти домой. Но тут он поглядел в другую сторону и удивленно пробормотал:

— На дороге какая-то повозка. Не гости ли к нам едут?.. А вот и еще! Да это две раскрашенные кибитки. Кажется, к нам в село приехали комедианты!..

И он торопливо спустился с дерева.

— Эй, ты куда? — окликнул его дядюшка Мартонфалви.

— Пойду посмотрю на них! — отозвался Миклош.

— Не ходи! — попытался удержать его старик управляющий. — Я расскажу тебе еще одну историю про цыгана-барабанщика.

Но Миклош уже перелезал через забор. Ему лень было идти до калитки, поэтому он выбрал кратчайший путь и сразу поспешил в ту сторону, откуда двигалась необычная процессия. Но тут же разглядел невдалеке три знакомые фигуры. Это были его младший брат Янош и Бела Винцехиди, сын помещика, проживавшего по соседству, со своим гувернером Палом Буго.

«У Белы опять новый костюм», — отметил про себя Миклош, когда франтоватый юноша в лаковых полуботинках приблизился к нему. В одном глазу у Белы поблескивало маленькое стеклышко, и каждый его жест был исполнен жеманности и чванливого высокомерия.

А вот Пал Буго в отличие от своего воспитанника с полным равнодушием относился к собственной наружности и все еще носил долгое коричневое пальто, которое, наверное, много лет назад приобрел для того, чтобы не снимать его до гробовой доски. Это был худощавый и рослый — на две головы выше всех сельчан — молодой человек с неимоверно длинными ногами. Когда он, идя рядом со своим воспитанником, делал шаг, тому, чтобы не отстать, приходилось делать три шага. И неудивительно, что Пал Буго постоянно сдерживал себя при ходьбе: ему казалось, что он двигается медленно, как улитка.

— А мы как раз искали тебя, — сказал Янош. — Папа на тебя больше не сердится. Тебе надо только попросить прощения у жены пастора.

Миклош тяжело вздохнул.

— Привет! — процедил сквозь зубы Бела Винцехиди, протягивая Миклошу свою тонкую холечную руку.

Миклош так пожал ее, что Бела скривился от боли.

– В Пеште* так не принято, – пробурчал он, потирая начинающие краснеть пальцы. – Там вообще все по-другому, не так, как у нас.

– А зачем у тебя в глазу эта стекляшка? – любопытствовал Миклош. – Ты ведь, по-моему, не близорукий.

– Это монокль, – снисходительно пояснил Бела. – В Пеште все аристократы носят монокли. Мода такая.

– Дурацкая мода! – заявил Миклош. – Я бы не стал портить себе глаза.

– Ребята, я, пожалуй, пойду, – сказал Пал Буго, нетерпеливо топтавшийся около них. – Мне надо ежедневно проходить определенное расстояние, а то ночью мои ноги не успокоятся, пока не заведут меня на крышу дома.

И с этими словами гувернер удалился, дав наконец волю своим ногам, которые принялись отмерять двухметровые шаги. Со стороны казалось, будто он спешит по какому-то неотложному делу.

Ребята неторопливо двинулись к дому. Они не прошли еще и половины пути, когда Пал Буго вернулся и, поравнявшись с ними, бросил на ходу:

– Я должен трижды покрыть это расстояние, и тогда, думается, на сегодня будет достаточно.

* Пешт – равнинная часть Будапешта, столицы Венгрии, занимающая около 2/3 территории города. От другой части города, Буды, Пешт отделен Дунаем.

Когда-то Пал Буго был семинаристом-проповедником и с тех пор взял за правило каждый день проходить по несколько миль, чтобы не утратить приобретенные навыки, к числу которых относились выносливость и быстрота ходьбы. По мнению Пала Буго, именно это являлось наиважнейшим для проповедника, ведь чем больше городов и сел он успевал обойти, тем удачнее складывалась его судьба.

Когда Пал Буго стал гувернером юного Винцехиди, ему больше уже не нужно было ходить по городам и селам, но зато он регулярно совершал пешие прогулки из конца в конец села да и дома, в своей комнате, постоянно мотался из угла в угол. И частенько приговаривал:

— Даже хороших лошадей надо каждый день пускать в галоп, чтобы они не застоялись. А мои ноги — это мои лошади. Если бы они привыкли бездельничать, мне пришлось бы ездить по железной дороге. А я никогда в жизни не ездил на поездах и все-таки побывал в Риме, в Париже и даже в Гамбурге. И пошел бы дальше, если б у меня на пути не оказалось море.

Ребята уже подходили к дому, когда на проселочной дороге показались аляповато расписанные яркими красками кибитки, которые Миклош увидел с верхушки тутового дерева. Повозки тянули две лошади. Из маленькой трубы над одной из кибиток струился легкий дымок — там

наверняка готовили ужин. За второй бодро вышагивал юноша приятной наружности — с виду ровесник Миклоша — в красной тюбетейке. Он с любопытством оглядывался по сторонам и улыбался каким-то своим мыслям. Когда он проходил мимо, Миклош не смог удержаться, чтобы не спросить:

— Что это за труппа?

— Это цирк Барберри, — пояснил юноша. — Завтра вечером мы дадим здесь представление.

— Ой, как здорово! — воскликнул Миклош и, чтобы показать, что это не было с его стороны праздным любопытством, тут же продемонстрировал безупречное двойное сальто.

Улыбчивый юноша в ответ подкинул вверх свою тюбетейку, сделал стойку на руках и, поймав ее ногой, помахал ею в знак приветствия.

Миклош покраснелся от волнения.

— Цирк Барберри... — пробормотал он. — Должно быть, хороший цирк, если там такие артисты!

А ведь он увидел пока еще только одного артиста.

На дороге показался Пал Буго. Делая огромные шаги, он стремительно приблизился к ребятам и на ходу проговорил:

— Если мой желудок, который работает как часы, меня не обманывает, близится время ужина. Но мне надо пройти еще одну милю. Я скоро вернусь.

Из дома слышались удары гонга, призывающие к ужину, и Пал Буго заставил своих «лошадей» прибавить шаг.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
*в которой мы познакомились
с жизнерадостными людьми,
не теряющими присутствия духа даже
в затруднительных ситуациях*

Большие, ярко раскрашенные кибитки остановились в самом центре села, возле единственного трактира. Шагавший следом юноша в красной тюбетейке огляделся по сторонам и, приоткрыв дверцу первой кибитки, возвестил:

— Вуаля, дамы и господа! Вот то самое место, где нам суждено стяжать бессмертную славу. У господина Густава появился шанс прибавить еще один листик к своему лавровому венку.

При этих словах в дверном проеме возник маленький коренастый человечек, на лице которого застыла страдальческая гримаса, будто вобравшая в себя всю мировую скорбь. Он потянулся и зевнул, протирая заспанные глаза.

— Ну вот, опять судьба в сговоре с нашим директором, господином Барберри, загнала нас в какое-то захолустье, — пробурчал он, пытаясь

что-нибудь разглядеть в сгущавшихся сумерках. Затем выбрался наружу и повернулся к юноше. — Виктор, это что, деревня или город?

— Деревня, господин Густав, — отозвался юноша. — И, похоже, самая лучшая в этих местах.

Лохматая белая собака высунула голову из кибитки, но тут же спряталась обратно. Потом появилась пестрая ангорская кошка, которая спрыгнула на землю и настороженно прошлась вокруг кибиток. Не обнаружив ничего подозрительного, она вернулась на прежнее место.

Невдалеке от передней кибитки раздавались громкие сердитые голоса. Низкорослый толстяк в желтой жилетке и широченных брюках ругался с извозчиками, которые требовали заплатить им за работу. Он яростно размахивал руками и на венгерском, немецком и словацком языках призывал на их головы все кары небесные.

— Папа опять сердится, — усмехнулся юноша.

— Барберри всегда сердится, когда у него просят денег, — флегматично заметил господин Густав. — И он абсолютно прав. Как можно просить деньги у артистов? Откуда их взять, если нам и поесть-то не каждый день удается?

Наконец господин Барберри отделался от извозчиков. Потом он еще поторговался с трактирщиком, тщательно осмотрел место, где предполагалось установить шатер, после чего усталый, но довольный вернулся к первой кибитке и, приоткрыв дверцу, прокричал:

– Госпожа Мари-Мари, королева воздуха, покорительница высоты! Господин Барберри, предприимчивый директор цирка, желает поужинать. И от этого же не отказался бы господин Густав, всемирно известный клоун, не говоря уже о Викторе, непревзойденном наезднике. А разве не проголодалась Мисс Аталанта, очаровательная юная танцовщица?

Из кибитки вышла румяная женщина со светлыми волосами. Держа в руках огромный бидон, она направилась к колодцу, пробурчав:

– Ужин готов.

Тут все дружно бросились в кибитку, которая сразу наполнилась радостными возгласами и лязганьем ножей и вилок. Маленькая труба на крыше перестала дымить, покончив на сегодняшний день со своими обязанностями.

Молодой человек, уже давно слонявшийся возле кибиток, нашел в итоге подходящую щель, через которую мог рассмотреть всю компанию. Барберри как раз в этот момент разрезал большим ножом баранью ляжку, а остальные с возжелением наблюдали за этой процедурой. Наконец каждый получил свою порцию, и все с жадностью набросились на долгожданное яство. Мисс Аталанта, семилетняя девчушка, уплетала жаркое с неменьшим аппетитом, чем господин Густав. А Барберри, не отрываясь от еды, то и дело поглядывал на своих подопечных, следя за тем, чтобы никто не съел больше остальных.

И, улучив удобный момент, вытащил жестяную тарелку из-под носа у супруги.

— Воздушной гимнастке нельзя толстеть, — проворчал он.

Мари-Мари вытерла губы и бросила тоскливый взгляд на остатки пищи.

Такая же участь вскоре постигла и Мисс Аталанту.

— Я не удивлюсь, если ты вскоре не сможешь поднимать ноги, — укоризненно проговорил директор цирка.

Затем он обрушился на Виктора:

— Разве ты не знаешь, что меня раздражает, когда ты так обжираться?

И тарелка Виктора последовала на край стола — ко всем прочим.

Теперь оставался только господин Густав. Но всемирно известный клоун с такой решимостью поглощал кусок за куском, угрюмо уставившись в одну точку, что Барберри долго не решался подобраться к нему. И все-таки осмотрительность в конце концов возобладала — и он проворно отодвинул в сторону и тарелку господина Густава.

— Хватит уже, друг мой! — увещающим тоном произнес он. — Если мы все это съедем, завтра нам придется питаться святым духом. А я не могу этого допустить.

Господин Густав как ошпаренный вскочил с табуретки и бросился к выходу, яростно выкрикивая:

– Я пойду к своим истинным друзьям – к Лео и Каро! Уж они-то не станут обижать горемыку Густава!

Второпях он чуть не сбил с ног молодого человека, все это время следившего в щелку за проходящим. И тут же скрылся в другой кибитке.

Ужин закончился.

Оставшись в одиночестве, господин Барберри отложил нож и вилку и, с удовлетворением осмотрев опустевшее поле битвы, горделиво промолвил:

– Вот как надо вести хозяйство! Я только что спас завтрашний обед.

Но радость его оказалась преждевременной. В следующий момент снаружи послышались тяжелые шаги – и на пороге кибитки появился рыжеволосый молодой человек в синей униформе.

– Ах, это ты! – вскричал господин Барберри, скорчив сочувственную гримасу. – Как же я мог забыть о Яноше Катинке? Ты, шельма, наверное, еще не ужинал?

Круглое лицо рыжего парня озарилось широкой улыбкой.

– Как раз за этим я и пришел, – радостно сообщил он. – Я смотрю, вы и для меня оставили самую малость.

– О, несчастный! – воскликнул господин Барберри, воздев руки. – Ты, ничтожнейший из всех цирковых униформистов, считаешь, что это самая малость?.. Лопай, набивай себе брюхо,

пожирай завтрашний обед цирковой труппы Барберри!

Рыжеволосый, ни секунды не мешкая, враз оказался за столом и принялся с невероятной быстротой уплетать все, что осталось на тарелках, в то время как Барберри продолжал распинаться:

– Я тебя раскусил, каналья! Ты всегда специально околачиваешься на конюшне, среди лошадей, где никто не мешает тебе измышлять всякие каверзы, пока все порядочные люди ужинают. А потом внезапно сваливаешься как снег на голову, чтобы разорить своего бедного директора! О, Янош Катинка, продувная ты бестия!.. Будь проклят тот день, когда я приютил тебя и взял на работу!

Пока господин Барберри предавался скорби, жалуясь на коварную судьбу, которая подложила ему такую свинью, рыжеволосый униформист с аппетитом доедал все, что еще оставалось на столе. Казалось, у него вместо рта объемистый мешок, куда он забрасывал огромные куски мяса и ломти хлеба. Когда со всем этим было покончено, он огляделся по сторонам.

– По-моему, тут где-то есть еще и сыр. Я чувствую его запах.

Это уже переполнило чашу терпения директора. Он схватил наглеца за шиворот и вышвырнул из кибитки, крикнув вдогонку:

– Чтоб я тебя больше не видел!

Рыжеволосый весело рассмеялся и побежал в сторону трактира.

Господин Барберри еще немного побрюзжал, постепенно остывая, а потом, внезапно спохватившись, погасил слабо мерцавшую керосиновую лампу.

— Надо спасти хотя бы то, что еще можно спасти, — проворчал он. — Чтобы хоть керосин остался на завтра.

В кибитке стало темно, и молодой человек, все это время подглядывавший в щелку, решил двигаться к дому. Читатель, конечно, уже догадался, что это был не кто иной, как Миклош Касони.

Выйдя на проселочную дорогу, он обернулся и мечтательно пробормотал:

— А все-таки я хотел бы наняться в труппу господина Барберри...

По темной проселочной дороге к Миклошу стремительно приближалась долговязая фигура. Это гувернер Пал Буго совершал свою вечернюю прогулку.

— Мне осталось пройти еще полмили, — сообщил он, поравнявшись с Миклошем. — Я не смогу заснуть, пока мои ноги не успокоятся.

И, прибавив шагу, он исчез в темноте. В доме все уже спали. Стараясь не шуметь, Миклош на ощупь добрался до своей постели, а потом долго лежал без сна, вспоминая все, что увидел и услышал за этот день. И в конце концов пришел к убеждению, что нет лучшей доли, чем жизнь артиста.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой наш герой делит радости и горести
с артистами цирковой труппы, а трапеция
оказывается не такой надежной, как считал
господин Густав*

Как только рассвело, Миклош вскочил с постели, быстро оделся и поспешил к трактиру, возле которого обосновались артисты.

Вокруг кибиток уже царило оживление. Вся труппа дружно трудилась над установкой циркашапито, в котором вечером должно было состояться представление. На двух высоких шестах красовался транспарант с надписью, выведенной крупными буквами:

Сам директор знаменитого цирка, в домашней пижаме и шлепанцах, носился как угорелый, проявляя бурную активность. Но Миклош вскоре заметил, что господин Барберри только имитиро-

вал кипучую деятельность, путаясь у всех под ногами и раздавая нелепые указания.

Виктор и рыжеволосый ассистент-униформист уже установили на специальных креплениях длинные центральные шесты, которые они называли мачтами, и боковые стойки, а теперь с помощью добровольцев из числа местных жителей натягивали на эту конструкцию парусиновый шатер куполообразной формы. Боковые стойки соединялись двумя длинными металлическими перекладинами, положенными крест-накрест, с которых свешивался канат и несколько трапеций на тросах различной длины.

Мисс Аталанта, семилетняя искусница, пригнувшись под кибиткой, нарезала из рулона красной бумаги карточки, служившие входными билетами.

— Послушай, ты не мог бы мне помочь? — обратилась она к Миклошу, слонявшемуся возле кибиток. — Тебе, видно, все равно нечего делать.

Миклоша не пришлось упрашивать. Он присел на корточки рядом с девочкой, и она объяснила ему, какие цифры и пометки надо проставлять синим карандашом на этих красных карточках.

Миклош охотно взялся за дело и так увлекся, что не замечал ничего вокруг. И вздрогнул от неожиданности, услышав над собой голос Виктора:

— О, да это же вчерашний молодой человек! Который сделал двойное сальто!

Мисс Аталанта удивленно уставилась на Миклоша.

— Так ты умеешь делать то же, что и мы? Ты, наверное, тоже артист?

— Нет, — вздохнул Миклош. — Просто мне очень нравится гимнастика. И я хотел бы стать артистом.

— Пойдемте поговорим! — предложил Виктор. — Не беспокойтесь, наше чудо-чадо управится здесь и без вашей помощи.

Мисс Аталанта показала Виктору язык, но тот уже отошел в сторону, увлекая за собой Миклоша. Молодые люди определенно были ровесниками и во многом походили друг на друга — с той лишь разницей, что цирковой артист был болезненно бледен, а на лице Миклоша играл здоровый румянец.

— Чем вы занимаетесь? — спросил Виктор.

— Я пока еще учусь в школе, — сконфуженно ответил Миклош, как будто признаваясь в каком-то неблагоприятном поступке. — Но если мне улыбнется удача, я, как и вы, стану артистом.

— Не стоит! — тихо промолвил Виктор, положив руку ему на плечо.

— Что не стоит? — удивленно спросил Миклош.

— Идти в артисты. Когда-то я тоже имел счастье ходить в школу, учиться. Ведь мой отец — его, кстати, на самом деле зовут Матэ Берчек, а Барберри — это его актерский псевдоним — не всегда был странствующим комедиантом.

Мы владели богатой усадьбой в Римасомбате*, но потом разорились, и мой бедный отец за неимением ничего лучшего стал директором цирка.

— А давно это случилось? — растерянно спросил Миклош, не ожидавший услышать ничего подобного.

— Пять лет назад. Я тогда ходил во второй класс и считался одним из лучших учеников. Но пришлось бросить учебу и осваивать совсем другую науку: ездить верхом, лазать по канату, заниматься гимнастикой на трапеции. Всему, что мы сейчас умеем, нас научил господин Густав. Когда-то он выступал в лучших цирках Европы, но нигде долго не задерживался. Поговаривали, что Густав выпивает и именно это помешало его карьере. Мы встретили его в придорожном лесу, где он собирался повеситься на акации. Отец предложил Густаву вступить в нашу труппу, и с тех пор он кочует вместе с нами.

В голосе Виктора слышалась такая печаль, что Миклошу стало не по себе. Но он тотчас взял себя в руки и воскликнул:

— И все-таки я хотел бы поменяться с вами! Ведь из меня все равно ничего не выйдет, кроме циркового артиста. Сейчас я покажу вам, что я умею!

Он скинул куртку, разулся и полез наверх по качающемуся канату. Добравшись до ближайшей

* Римасомбат — административный район в Венгрии.

Увидев незнакомца, выполнявшего столь невероятные трюки, господин Барберри застыл с открытым ртом.

трапеции, он раскачался на ней и легко перелетел на другую, а с нее – на третью, где сделал стойку на руках. И тут же полетел дальше – с трапеции на трапецию, совершая при этом головокружительные кульбиты.

Увидев незнакомца, выполнявшего столь невероятные трюки, господин Барберри застыл с открытым ртом, напрочь забыв, о чем он только что хотел распорядиться. Мари-Мари вышла из кибитки, бросив картофелину, которую чистила, и принялась аплодировать. Ее примеру последовала и Мисс Аталанта. И тут же из трактира выбежал господин Густав.

– Что тут происходит? – крикнул он. – Откуда взялся этот артист?

А рыжий ассистент-униформист восхищенно пробормотал:

– Вот это да!

Миклош вниз головой соскользнул с каната и с удовольствием выслушал аплодисменты, которыми наградила его цирковая труппа.

– Bravo, молодой человек! – воскликнул Барберри. – В каком цирке вы работаете?

– Он не циркач, папа, – подал голос Виктор. – Он просто гимнаст-любитель.

– Так это тем более достойно похвалы, – заметил директор цирка. – Я восхищен!

– Поздравляю! – пробасил господин Густав. – Вашу руку, юноша! Продолжайте в том же духе, и вы многого достигнете. Гораздо большего, чем горемыка Густав Штиглинц... Остерегайтесь

только одного, — добавил он шепотом, вплотную приблизившись к Миклошу. — Только одного... Но это я вам скажу в другой раз.

Мисс Аталанта, семилетнее чудо-чадо, дернула Миклоша за рукав и прощebetала:

— Я даже не думала, что ты такой ловкий!

Миклош стоял в окружении цирковых артистов, покрасневшись от смущения, и чувствовал, что никогда еще не был так счастлив, как в эти минуты.

— Мне бы очень хотелось выступить вместе с вами сегодня вечером, — тихо пробормотал он. — Но так, чтобы меня никто не узнал...

— Это обычное дело, — кивнул господин Густав. — Когда я выступал в московском цирке, в тамошнюю труппу приняли молодого человека очень знатного дворянского рода. Так он выходил на арену в шелковой маске.

А господин Барберри, воодушевившись, крикнул женщине, снова взявшейся за чистку картошки:

— Мари-Мари, сшей сегодня к вечеру шелковую маску для этого симпатичного юноши!

Виктор хотел было отвести Миклоша в сторону, но господин Барберри перехватил его и с поклоном произнес:

— Сударь, вы не соизволите оказать нам честь отобедать с нами, бедными артистами?

— С удовольствием, — отозвался Миклош. — Благодарю вас.

Его сердце трепетало от радости: наконец-то нашлись сведущие люди, по достоинству оценившие

его мастерство! На минутку перед его мысленным взором предстал строгий отец, который наверняка сильно рассердился бы, узнав, что его сын подружился с бродячими артистами, но Миклош тотчас успокоил себя тем, что никто об этом не узнает.

— Послушайте, — сказал Виктор, когда они отошли подальше от кибиток, — я вижу, что вы и в самом деле многое умеете, но прошу вас, не верьте тому, что говорят мой отец и господин Густав. Они чрезмерно восторженные, увлекающиеся люди, которые обожают свою профессию и поэтому счастливы, видя, что и другие ценят ее точно так же. Но вы еще не знаете, сколько надо натерпеться, чтобы стать даже обычным артистом.

Миклош бросил на него недоуменный взгляд.

— Почему вы мне все это говорите?

— Потому что я намного опытнее вас и уже знаю жизнь, знаю такое, о чем вы даже и не догадываетесь. Под нашей пестрой мишурой скрывается невероятная нищета. Мы больше голодаем, чем другие люди едят. Оставайтесь и дальше школяром. Учитесь, ведь на свете нет ничего прекраснее учебы!

Они еще долго прохаживались вокруг ярко раскрашенных кибиток, беседуя на самые разные темы. Внезапно из одной кибитки послышался жалобный собачий лай, сопровождаемый щелканьем кнута.

— Зачем так мучают собаку? — встрепенулся Миклош.

— Да никто ее специально не мучает, — отозвался Виктор. — Это у господина Густава такой метод дрессировки. А как иначе? Животному ведь не объяснишь, что надо делать на арене.

Собака завывала, и снова послышалось щелканье кнута.

— Пойдем отсюда! — не выдержал Миклош.

— Вот видите, такова жизнь циркачей. Когда собака вечером выйдет на арену, никто по ее виду не скажет, сколько побоев ей пришлось вынести, чтобы научиться прыгать через горящий обруч. А под яркими блестками на наших цветастых одеяниях не будет видно, что ни у кого из нас маковой росинки во рту не было.

Молодые люди могли бы разговаривать до бесконечности. Они быстро прониклись искренней симпатией друг к другу, хотя и надежды, и мечты у них были абсолютно разные. Виктор завидовал Миклошу, а тот всей душой стремился приобщиться к полной лишений, полуголодной жизни циркового артиста.

Их разговор прервал зычный голос господина Барберри:

— Кто хочет обедать, поторопитесь!

— Пойдемте! — сказал Виктор. — Этот призыв обычно означает, что обед уже близится к концу.

Но на этот раз он ошибся. Господин Барберри из уважения к гостю велел ничего не трогать до его прихода. А потом, уже во время обеда, —

к величайшему удивлению всей труппы — ни у кого не отбирал тарелки.

Господин Густав шепнул на ухо Виктору:

— Старику явно пришелся по душе этот парень!

После обеда с циркачами Миклош поспешил домой. По пути он перелезал через все достойные внимания заборы, заранее начиная ощущать себя цирковым артистом.

Отец уже ждал его и, нахмурившись, про бурчал:

— Что это ты не приходишь домой обедать? Где ты болтался все это время?

Миклош растерялся. Никаких отговорок в голову не приходило, а правду сказать он не осмеливался и уже чувствовал, что совершил ошибку, приняв приглашение господина Барберри отобедать с цирковой труппой. Но тут, на его счастье, к ним нагрянул дядюшка Мартонфалви со своей неизменной пенковой трубкой в зубах и с серой борзой на поводке.

— Ну что, дружок, опять ты проштрафился? — усмехнулся он, заговорщицки подмигнув Миклошу. — Я тебя понимаю. Молодой, кровь горячая... В твоём возрасте я тоже имел склонность к безрассудным поступкам.

Михай Касони раздраженно махнул рукой. В присутствии управляющего имением он никогда не мог приструнить сына с подобающей строгостью. Старик управляющий своими прибаутками неизменно разгонял тучи, сгущавшиеся над головой Миклоша.

Янош отложил книгу, которую читал в этот момент, и, подойдя к брату, прошептал ему на ухо:

– Чего ты хочешь от этих циркачей? Я же знаю, что ты почти весь день был у них.

– Яничка, я тебе все расскажу, – так же шепотом отозвался Миклош. – Только ты не выдавай меня. Я познакомился там с одним замечательным парнем. Таких я еще не встречал... Умный, рассудительный. Его зовут Виктором, и он известный цирковой наездник. Если мы вечером пойдем на представление, я тебя с ним познакомлю.

И тут вдруг к Миклошу обратился Мартонфалви:

– Дружок, я слышал, в наше село приехали бродячие комедианты. Как ты считаешь, стоит пойти посмотреть на них?

– Я считаю, что это отличная труппа! – с жаром воскликнул Миклош.

– Ну, тогда пойдем. Поддержим искусство! Если, правда, этот балаган можно назвать искусством.

Такие слова произнес дядюшка Мартонфалви, и Миклош, к своему удивлению, только тогда осознал истинное положение вещей. Он ведь считал, что на это представление придут лишь местные крестьяне. И вот, пожалуйста, – уважаемый дядюшка Мартонфалви выдвинул лозунг: «Поддержим искусство!»

Янош сбегал к его преподобию и сообщил, что нельзя пропускать такое замечательное

представление. Миклош навестил сельского писаря. И — как это обычно бывает в деревнях — вскоре каждый уже считал своим долгом поглядеть на заезжих знаменитостей.

По дороге к дому Миклош встретил Белу Винцехиди, гулявшего, как обычно, в сопровождении своего гувернера.

— Какие-то бродячие циркачи разбили свой шатер возле трактира, — грассируя и растягивая слова, проговорил Бела. — В Будапеште мы ходили в настоящий, первоклассный цирк. Так что нам совсем неинтересно смотреть на каких-то бродячих скоморохов.

Миклош непроизвольно сжал кулаки, услышав такой пренебрежительный отзыв о своих новых друзьях.

А Пал Буго наставительным тоном выговорил своему воспитаннику:

— Нельзя судить о том, чего ты не видел. Может быть, эти артисты ничуть не хуже, чем те, столичные.

Тем временем дело шло к вечеру. По договоренности с господином Барберри Миклошу надо было прийти в цирк до начала представления, чтобы примерить гимнастический костюм, но он не мог незаметно выскользнуть из дома, потому что отец не спускал с него глаз.

Из дома они вышли все вместе. Впереди вышагивал дядюшка Мартонфалви, не выпускавший изо рта свою трубку. Подойдя к кассе, где сидела

светловолосая женщина, он достал кошелек и небрежно проронил:

— Дайте дюжину билетов!

Войдя в парусиновый шатер, они сразу увидели господина Буго и Белу Винцехиди, который, поморщившись, заявил, что тут совершенно невыносимо коптят освещающие арену керосиновые лампы.

Со стороны раздевалки, отгороженной занавесом от арены, грянула музыка, как будто заиграл целый военный оркестр. Заглянув туда, Миклош увидел рыжего ассистента-униформиста, азартно крутившего ручку огромной шарманки. По лицу парня скользила такая довольная улыбка, словно он получал ни с чем не сравнимое наслаждение от этой мелодии, которую слышал уже множество раз.

Виктор заметил Миклоша и махнул рукой, приглашая его в раздевалку, служившую одновременно и актерской грим-уборной.

Там царила невообразимая суматоха. Господин Барберри в красном фраке и лакированных сапогах с высокими голенищами, отчаянно жестикулируя, метался из угла в угол с таким озабоченным видом, как будто под его началом была цирковая труппа по меньшей мере из ста человек.

Мисс Аталанта, семилетнее чудо-чадо, сидела на корточках перед зеркалом и щипцами завивала себе волосы. Господин Густав уже нанес на лицо

слой толченого мела и натянул широкий балахон, на котором сзади была изображена ослиная голова. А затем, храня сосредоточенное молчание, прислонился к одной из опор шатра и устремил куда-то вдаль исполненный скорби взгляд, словно размышляя о бренности этого мира.

Отдельный отсек шатра предназначался для лошадей, которых в цирке Цезаря Барберри было не так уж много, а точнее – всего две: игреневая* и гнедая. Глядя на них, трудно было поверить, что еще вчера они тащили по пыльной проселочной дороге тяжелые кибитки. Рыжий ассистент-униформист почистил их влажной щеткой, расчесал гривы, вплетя в них цветные ленточки, а хвосты украсил нарядными бантиками. Оставалось только надеть сбруи и прикрепить к лошадиным спинам широкие попоны.

Виктор снял с гвоздя черное трико и протянул его Миклошу.

– Переодевайтесь, если у вас еще не пропала охота выходить на арену.

Облачившись в трико, сидевшее на нем как влитое, Миклош удивленно уставился в заляпанное зеркало. Он даже не представлял себе, до какой степени одежда может преобразить внешность человека. И тут же во всем его теле появилась какая-то необыкновенная легкость, возникло ощущение, будто нет для него ничего невозможного.

* Игрéневый – о масти лошадей: рыжий со светлой гривой и светлым хвостом.

Господин Барберри, который то и дело спотыкался, задевая своими длинными шпорами за все предметы, попадавшие на пути, на миг остановился и одобрительно кивнул, расчесывая на прямой пробор густо набриолиненные волосы.

– Прекрасно, мой юный друг, прекрасно!

Убедившись, что все готово к началу представления, он трижды ударил в большой барабан, а затем принялся звонить в колокольчик, обходя раздевалку и заглядывая во все углы. Сунул голову и в маленькую клетушку, где обе лошади уже нетерпеливо били копытами. И после этого распорядился:

– Начали!

Ассистент-униформист Янош Катинка хорошо знал свои обязанности. Он передал шарманку Виктору и бросился к господину Барберри, чтобы помочь ему забраться на лошадь.

Занавес открылся – и Цезарь Барберри на гнедой лошади выехал на арену. Следом за ним стремительно выскочил господин Густав, сделав с разбегу высокое сальто-мортале.

Теперь уже Янош Катинка снова энергично крутил ручку шарманки, а Виктор тем временем быстро облачился в коричневый фрак с желтыми пуговицами и бросился на арену, откуда доносился зычный клич старого клоуна:

– Господин конюший! Подите сюда! Господин конюший!

– Я здесь! – с поклоном проговорил Виктор. – Что вам угодно?

– Видите ли, господин директор цирка сказал, что я бегаю медленнее, чем его гнедая лошадь. И я поспорил с ним на бочку пива.

– Боюсь, что вы проспорите, господин Густав. Гнедко – очень резвая лошадь.

– Ну, это мы еще посмотрим, – расхохорился старый клоун. – Эй, господин капельмейстер, ну-ка, сбациайте что-нибудь веселенькое!

Шарманка на секунду смолкла, чтобы тут же снова разразиться целым потоком звуков. Рыжий Катинка быстрее завертел ручку музыкального ящика, расплываясь в такой широкой улыбке, как будто делал это исключительно для собственного удовольствия.

И тут же раздался цокот копыт, а через несколько минут грянули аплодисменты. Публика устроила овацию клоуну, который выиграл пари, обогнав лошадь.

Господин Барберри влетел на лошади в актерскую раздевалку и сразу же, молодцевато спешившись, побежал обратно на арену, чтобы предстать перед все еще аплодировавшей публикой.

Миклош просто диву давался, видя, как этот грузный, неповоротливый человечек, который, казалось, с трудом удерживал на плечах свою непомерно массивную голову, двигался так легко и проворно.

Вскоре в актерской раздевалке появился и Густав. В его клоунском колпаке весело позвякивали медяки, щедро бросаемые публикой на арену. Высыпав монеты в фартук Мисс Аталанты,

он принял свою привычную позу: прислонился спиной к опоре шатра и угрюмо уставился вдаль, безучастный ко всему происходящему.

Тем временем Мари-Мари закрыла окошко кассы и, пристроившись в одном из закутков, переделалась в короткое розовое платье и вплела в волосы несколько пестрых ленточек. Под слоем густо наложенного грима ее некрасивое лицо неуловимо преобразилось и стало почти хорошеньким. И тут же куда-то подевалась ее неуклюжая развалистая походка, и все движения приобрели необычайную грациозность.

Приближался ее выход.

Господин Барберри снова возбужденно заметался из угла в угол в поисках колокольчика, который в конце концов обнаружил на том же месте, где и оставил. И тут же наполнил все помещение оглушительным трезвоном, а затем трижды ударил в большой барабан, после чего для пущего эффекта пустил в ход и медные тарелки.

Мари-Мари, «королева воздуха», выбежала на арену, держа за руку Мисс Аталанту, и изящно поклонилась публике. Господин Густав, как будто внезапно очнувшись от глубокого забытья, вылетел из-за занавеса вслед за ними, попутно снова выполнив высокое сальто. Выскочил на арену и Виктор.

Через прореху в занавесе Миклош видел, как женщина и ее дочь взобрались по канату на самый верх и продемонстрировали несколько

несложных трюков на канате и на трапециях. Это его не заинтересовало, и он переключил все внимание на Виктора, который с беспокойством следил за действиями матери и сестры, прекрасно понимая, что любое неверное движение может стоить им жизни.

Публике этот номер понравился, и господин Густав собрал в свой клоунский колпак новый урожай мелочи.

Следующий номер исполняли Виктор и чудо-чадо. Рыжий ассистент вывел из тесной клетушки, служившей стойлом, обеих лошадей. На одну из них взобралась с его помощью Мисс Аталанта, на другую лихо вскочил Виктор.

Лошади мчались по кругу. Девочка делала стойку на руках на спине скачущей лошади, в то время как Виктор демонстрировал вполне профессиональные приемы вольтижировки*. Господин Барберри, стоя в середине арены, щелкал длинным бичом, а клоун за его спиной строил уморительные гримасы...

Наконец и Миклош дождался своего часа. Когда лошади со своими наездниками скрылись за занавесом, господин Барберри торжественно объявил:

— Уважаемые дамы и господа! Сейчас перед вами выступит выдающийся артист, недавно

* Вольтижи́ровка — акробатические трюки на спине движущейся лошади.

присоединившийся к нашей труппе. Он не желает раскрывать свое инкогнито и поэтому выступит перед почтеннейшей публикой в маске.

Мари-Мари надела на лицо Миклоша шелковую маску. Трижды бухнул большой барабан, и господин Густав приоткрыл занавес.

Выбежав на освещенную арену, Миклош изпод маски увидел устремленные на него любопытные взгляды. Увидел отца, сидевшего в первом ряду. Возле него дядюшка Мартонфалви посасывал свою пенковую трубку. Над множеством голов возвышалась на длинной шее голова Пала Буго. Бела Винцехиди вставил в глаз монокль, а Янош побледнел от волнения. Кажется, он сразу догадался, кто скрывается под маской.

Зазвучала музыка. Миклош ухватился за канат, с невероятной быстротой взобрался под купол и, ступив на колышающуюся трапецию, поглядел вниз. Публика выжидающе, с напряженным вниманием следила за действиями отважного гимнаста.

И Миклош оправдал ее ожидания, показав все, на что был способен. Он легко, как птица, парил под куполом цирка среди тросов и трапеций, совершая при этом такие рискованные перевороты в воздухе, что Мари-Мари каждый раз вздрагивала и крестилась, господин Барберри хватался за сердце, а клоун Густав хмурился и что-то угрюмо бурчал себе под нос.

А Миклош уже стоял на узком грифе одной из трапеций и, вытирая платочком вспотевший

лоб, готовился завершить свое выступление. Он задумал эффектный финал: перепрыгнуть на самую дальнюю трапецию, находившуюся примерно в пяти метрах от него. И, собравшись с силами, начал раскачиваться, взлетая все выше и выше. Натужно заскрипели тросы, зашатались опоры...

Барберри обеспокоенно повернулся к угрюмому клоуну.

— Господин Густав, боюсь, наши тросы уже отслужили свой срок...

Но тот лишь отмахнулся, не сводя глаз с отважного гимнаста.

В этот момент Миклош, как следует раскачавшись, по высокой дуге перелетел на дальнюю трапецию, но, едва он схватился за перекладину, один из тросов оборвался — и он камнем полетел вниз.

Все это произошло за считанные секунды.

Густав взревел, как раненый бык, и огромными прыжками ринулся, простирая руки, к падающему гимнасту. Виктор сделал то же самое, и его раскинутые руки встретилась с руками клоуна. Но, несмотря на то, что сил им обоим было не занимать, они не смогли удержать падающего и всего лишь смягчили его удар о землю.

Зрители на миг замерли при виде распростертого на арене неподвижного тела, а затем с испуганными криками повскакали с мест. Началась страшная суматоха.

Лишь господин Барберри не потерял присутствия духа.

— Эй ты, олух царя небесного! — напустился он на ассистента-униформиста, который все это время за занавесом крутил ручку шарманки и ничего не видел. — Воды сюда! Да побыстрей!

Рыжий парень схватил ведро с водой и выскочил на арену. Там кроме артистов находился уже и Янош Касони, который первым делом снял с брата маску.

Густав выхватил у рыжего ведро и выплеснул всю воду на голову Миклошу, который тут же поднялся и, пошатываясь, огляделся по сторонам.

— Сынок, это ты! — вскричал потрясенный Михай Касони. — Несчастье-то какое!

А дядюшка Мартонфалви от неожиданности выронил свою пенковую трубку.

Публика зашумела, заволновалась.

— Это сын Касони! — пронеслось по рядам.

Миклош, опираясь на плечо Виктора, заковылял в актерскую раздевалку. Следом направились Михай Касони с Яношем и дядюшка Мартонфалви. К этой процессии моментально примкнул Пал Буго, который пересек арену всего в три шага и восхищенно воскликнул:

— До чего же крепкий этот парень! Вот что значит венгерская кровь! Какой-нибудь немецкий хомяк разбился бы насмерть!

Янош обнял брата, и на глазах у него выступили слезы.

— Я знал, что это ты, — прошептал он прерывающимся голосом.

— Знал и не сказал мне? — в гневе накинулся на него отец. — Вот как ты заботишься о брате! Он же мог сломать себе шею!

Янош понуро опустил голову, как делал это каждый раз, когда ему приходилось расплачиваться за проделки старшего брата. Миклош тем временем переоделся и, хотя лицо его еще сохраняло бледность, с улыбкой поглядывал на окружающих.

Михай Касони повернулся к директору цирка.

— Ну, а чтобы вы не остались внакладе... Небольшая компенсация за причиненный вам ущерб, — он достал из кошелька ассигнацию. — За порванный трос.

— Да полно вам, судары! — отмахнулся Барберри. — Это я в долгу перед вашим сыном. Я уже не говорю о гонораре, это само собой. Но мы должны быть благодарны ему за то, что он своим великолепным номером украсил сегодняшнее представление.

— Это верно! — пробурчал дядюшка Мартонфалви. — Остальные номера немного стоят. Только на Миклоша и можно было смотреть... Но если б мы знали, кто скрывается под маской, мы бы не позволили ему забираться на такую высоту. Я даже думаю срубить у себя на участке тутовое дерево, чтобы он больше не залезал туда и не подвергался опасности.

Прощаясь с Миклошем, директор цирка тихо промолвил:

– Завтра нам снова в путь. Пристанище артиста – весь белый свет...

Миклош обнял Виктора.

– Прощай, дружище! Не забывай меня, а я всегда буду помнить о тебе.

Виктор же шепнул ему на ухо:

– Возьмись за учебу! Это будет лучше всего. Ведь, как видишь, жизнь артиста гроша ломаного не стоит...

А грустный клоун восторженно пожал Миклошу руку.

– Не надо расстраиваться из-за этого падения, друг мой. Это ерунда, мелочи жизни! Нет такого воздушного гимнаста, который бы никогда не падал. Продолжайте дальше в том же духе – и когда-нибудь из вас выйдет настоящий король цирка. Это я, старый циркач Густав Штиглинц, заявляю вам со всей ответственностью.

Потом Миклош попрощался с светловолосой женщиной и с маленькой Мисс Аталантой. А рыжему парню сунул в руку монету – и тот, не усмехаясь, как обычно, а с неподдельной грустью произнес:

– Я думал, что вы останетесь с нами. Как жаль, что так получилось!

Затем домочадцы и соседи с триумфом проводили Миклоша домой. Даже Бела Винцехиди в этот вечер оставил свой заносчивый тон.

Его, как и других, восхитил смелый поступок Миклоша. А Пал Буго не устал повторять:

— Если бы у всех венгров были такие же крепкие кости, как у нашего Миклошки, нипочем не одолели бы нас ни турки, ни татары!

На другой день, когда окончательно стало ясно, что досадное падение не оставило на теле Миклоша никаких следов, отец позвал его в свою комнату и устроил хорошую взбучку. А потом увещевал его до тех пор, пока Миклош со слезами на глазах не пообещал выкинуть из головы глупые фантазии и взяться за учебу.

— Вот и славно! — кивнул Михай Касони. — По рукам, сынок! Помни, не сегодня-завтра ты уже станешь мужчиной и поэтому не должен раздавать легкомысленные обещания. Я тебе верю и желаю, чтобы все у тебя в жизни складывалось как можно удачнее.

Миклош внял отцовским наставлениям и решил стать примерным сыном. А чтобы доказать серьезность своих намерений, он больше не лазил по заборам и не забирался в дом через окно, а пользовался входной дверью.

Бела Винцехиди заметил в нем эту перемену и тут же сделал вывод:

— Храбрость человеческая небеспрдельна. Достаточно один раз упасть, чтобы стать трусом. Господин Буго, не помните, какой классик это сказал?

— Боюсь, что никакой, — рассеянно отозвался гувернер. — По-моему, чем чаще человек падает,

тем проще ему потом подниматься. Опасности и беды закаляют характер.

Дядюшка Мартонфалви, слышавший этот разговор, одобрительно кивнул:

— Вы правы, дружище Буго. Я бы только добавил, что великие испытания и битвы точно так же закаляют мужской характер, как огонь закаляет сталь. Когда наш славный генерал Дамянич повел солдат в штыковую атаку, никто не повернул обратно. Мы должны помнить об этом и, какие бы испытания ни выпадали на нашу долю, всегда смело, без страха двигаться к намеченной цели!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой мы видим, как много усилий
прилагает наш герой, чтобы стать
прилежным учеником, и чем это
заканчивается*

Очень скоро Миклош осознал, что все его старания ни к чему не приводят. Не лезли ему в голову никакие науки. Напрасно просиживал он над учебниками до глубокой ночи. Когда ему казалось, что он уже выучил урок, выяснялось, что он забыл начало, а вернувшись к началу, об-

наруживал, что из памяти напрочь вылетело то, о чем шла речь в середине и в конце.

— Нет, не выйдет из меня ничего путного! — вздыхал он и, отложив учебники, отправлялся спать. Но и во сне его одолевали горестные мысли о недоказуемых математических теоремах и неподатливых задачках по физике.

С этого года братья учились в кальвинистской гимназии Дебрецена* и снимали комнату в маленьком домишке сапожника Петера Сюча. Еще одну комнату занимали Бела Винцехиди и его гувернер Пал Буго. Сам хозяин ютился в ветхой деревянной пристройке, где с утра до вечера чинил сапоги, ставил набойки, латал прохудившиеся туфли. Работы у него было вдосталь. Во всех окрестных домах жили приезжие гимназисты, которые очень быстро снашивали свою обувь. Новую они приобретать не могли ввиду скудости кошелев, поэтому им приходилось регулярно отдавать в починку старую.

В то время как Миклош безуспешно маялся над учебниками, Янош с необыкновенной легкостью усваивал весь учебный материал. Он обладал феноменальной памятью и все однажды прочитанное знал наизусть и мог пересказать слово в слово. Преподаватели восхищались способностями Яноша и ставили его в пример всем гимназистам. А о его брате упоминали, когда надо было пристыдить двоечника.

* Дебрецен — крупный город на востоке Венгрии.

— Ты тоже, как и этот сумасброд Миклош Касони, намерен пойти в скоморохи?

Каким-то странным образом вся гимназия узнала о неудачной попытке Миклоша поступить в цирковую труппу. Скорее всего, об этом проболтался Бела Винцехиди. И гимназисты между собой уже называли Миклоша не иначе как «этот комедиант Касони». Ни у кого и мысли не возникало оценить по достоинству его силу и ловкость, проявленные в тот злополучный день.

Временами «этот комедиант Касони» горько вздыхал:

— Вот непруха-то какая! Еще три месяца назад я бы искупал нашего друга Белу в самой грязной луже. Но сейчас уже нельзя.

Это «сейчас уже нельзя» до крайности удручало Миклоша. Он печально отводил взгляд от высоких заборов, попадавших ему на пути, а при виде стены, по уступам которой кроме него могла бы залезть наверх разве только кошка, сразу переходил на другую сторону. А когда гимназисты на переменках затевали во дворе веселую возню, которая нередко заканчивалась массовыми потасовками, спешил уединиться в аудитории, опасаясь, что если его застанут во дворе, то по старой памяти сочтут зачинщиком.

Господин Маглоди, учитель физкультуры, знавший Миклоша еще по сельской школе в Ньирешаше, теперь постоянно недоумевал, силясь понять, что произошло с его любимым учеником.

Как будто утратив былые навыки, Миклош неуклюже карабкался по шесту, а спустившись, жаловался на головокружение. Упражнения на брусьях и вовсе давались ему с трудом: он то и дело срывался и падал, хотя прежде в этих упражнениях ему не было равных.

И в один прекрасный день терпение господина Маглоди лопнуло. После урока он взял Миклоша за руку и отвел в учительскую.

— Послушай, Касони, — начал он, когда они остались вдвоем, — я всегда к тебе хорошо относился. Ты знаешь, что я всякий раз заступался за тебя, когда тебе грозили большие неприятности из-за твоего озорства, и мне хотелось бы знать, что с тобой стряслось. Почему ты ходишь как в воду опущенный и из тебя подчас слова не вытянешь? Что случилось?

— Ничего, — пробормотал Миклош. — Все в порядке.

— Да перестань! — отмахнулся учитель. — Я же вижу, что у тебя на сердце кошки скребут. И напрасно ты пытаешься скрыть это от меня. Говори же! Может, я сумею тебе помочь.

— Никто мне не сможет помочь, — грустно ответил Миклош. — Я уже ясно вижу, что зря корплю над учебниками. Не могу я усвоить все эти науки. Так, видать, дураком и помру...

— Ну-ну! Не стоит так отчаиваться, голубчик. Прилежание всегда в итоге приносит свои плоды. Надо только иметь терпение. Яблоко не сразу

созревает на ветке — для этого требуется время. И нужного результата сразу не добьешься, но он обязательно будет. А я уж позабочусь о том, чтобы твое усердие оценили по достоинству.

— Спасибо, господин учитель. Скажите, пожалуйста, заодно и моему отцу, когда он приедет, что я сдержал обещание и налегаю на учебу.

В сочельник, когда уже начинались зимние каникулы, по традиции выдавали табели успеваемости за первое полугодие.

В этот день в самой большой аудитории царяла торжественная атмосфера. По всему залу составили в дополнительные ряды длинные скамейки, на которых сидели вперемешку учащиеся младших и старших классов. Те, кому не хватило места, стояли вдоль стен.

Старший наставник, господин Баранья, поднявшись на кафедру, окинул собравшихся хмурым взглядом и приступил к делу. Для каждого, кто подходил к нему за табелем, у него находились какие-то замечания. Он никем не был доволен и высказывал порицания даже отличникам. По его мнению, и их успехи в учебе были недостаточными.

Несчастный Миклош Касони сидел в заднем ряду и, нервничая, грыз ногти. Что же в таком случае господин Баранья скажет ему, если вообще что-нибудь скажет?

Наконец в аудитории прозвучало:

— Миклош Касони!

Миклош на негнущихся ногах приблизился к кафедре. Старший наставник мрачно уткнулся в его табель, и у Миклоша защемило сердце. Какие слова найдет для него этот угрюмый человек? И чего он так медлит?

Прошло еще несколько томительных минут, прежде чем старший наставник поднял голову и процедил сквозь зубы:

— Не понимаю, Касони, почему ты не идешь в комедианты, если тебе не дается учеба?

За спиной Миклоша послышались ехидные смешки. Ученики уже открыто потешались над своим незадачливым однокашником, который не знал, куда деваться от такого позора. Он, побледнев, неподвижно стоял у кафедры, чувствуя, как в душе вскипает бессильная ярость, смешанная с обидой. Для этого ли он по ночам корпел над учебниками, изнуряя себя бесконечной зубрежкой?.. Вот чем обернулось его стремление стать таким, как все!

Не говоря ни слова, он взял злополучный табель и даже не стал заглядывать в него, а сразу порвал и швырнул эти клочки под ноги старшему наставнику. И вспылil, уже не пытаясь сдерживаться:

— Все, с меня довольно! Больше мне тут делать нечего! Я уйду. Но имейте в виду: если

кому-нибудь вздумается еще хоть раз поиздеваться надо мной, то он горько пожалеет об этом!

Миклош выскочил из аудитории, с такой силой хлопнув дверью, что аж стены задрожали. Гимназисты оторопело глядели ему вслед. А старший наставник Баранья тихо пробормотал:

– Совсем спятил, бедняга. Речь ведь не шла об отчислении. Мы оценили его усердие...

Дальнейшая раздача табелей происходила в полной тишине. А уже потом, в коридоре, все бурно обсуждали выходку Миклоша.

– Этот парень плохо кончит, – усмехнувшись, проронил Бела Винцехиди. – Отец выгонит его из дому, и ему только и останется, что пойти бродяжничать.

Пал Буго замахал на него руками.

– Ну что ты говоришь? На свете еще много школ, где можно учиться. Хотя, конечно, с дебреценовской гимназией ничто не сравнится.

Янош встревоженно побежал домой и застал брата собирающим свои пожитки в дорожную сумку.

– Миклош, что ты наделал? – вскричал он со слезами на глазах.

– Все в порядке! – отозвался Миклош. – Жаль только, что никто не попался мне под горячую руку. Особенно Бела. Я бы показал ему, где раки зимуют!

– И что же ты собираешься делать?

– Поеду в Фиуме*. Как раз сейчас в этом городе гастролирует труппа Цезаря Барберри. Там меня примут с распростертыми объятиями. Я только что получил письмо от Виктора... Ты знаешь, что мы с ним переписывались?

– Нет. Ты мне не говорил.

– Так вот, Виктор пишет, что господин Барберри обновляет труппу, расширяет ее состав, потому что в январе они отправляются в длительное зарубежное турне. И я поеду с ними.

– А ты не подумал об отце? Ты даже не прощаешься с ним? Я уверен, что он поймет тебя и не станет сердиться.

Миклош грустно покачал головой.

– Нет, он никогда не простит мне, что я нарушил данное ему слово. Не смог совладать со своими порывами, дал волю эмоциям. Так что для меня сейчас лучший выход – собрать манатки и сваливать отсюда. Но вы еще услышите обо мне... К черту все эти учебники вместе с учителями! Не может ведь каждый человек быть умным, должны же быть на свете и дураки. Так я как раз из их числа. Пусть умники идут своей дорогой – мне с ними не по пути. Я уже сделал выбор и не жалею об этом.

– Правильно! – подхватил Пал Буго, услышав из коридора эти слова и входя в комнату. –

* Фиуме – город в Венгрии, впоследствии отошедший к Италии, затем к Хорватии; ныне – хорватский город Риека.

Не надо ни о чем жалеть! Ты проявил решительность, достойную настоящего мужчины. Пусть над учебниками корпят те, кому это нравится. А у тебя свой путь. И я за тебя спокоен. При такой целеустремленности ты легко одолеешь любые препятствия и всегда сможешь выйти сухим из воды... Кстати, куда ты сейчас намерен отправиться?

— Я еду в Фиуме, господин Буго. На поезде.

— Опять на поезде... — проворчал Пал Буго. — Зачем такие расходы, когда у человека есть две крепких ноги? К тому же с поездами случаются катастрофы, они иногда сталкиваются, сходят с рельсов. А если ты идешь на своих двоих, тебе нечего опасаться.

— Если не считать того, что может начаться метель, которая сойдет человека с ног, и он замерзнет где-нибудь в сугробе, — язвительно заметил Янош.

— Пустяки! — отмахнулся Пал Буго. — Пока человек двигается, он не замерзнет. Уж мне ли не знать! Не зря говорят: дорогу осилит идущий... Впрочем я никого не отговариваю от того, чтобы ехать на поезде. В этом есть свое преимущество: снег не падает за шиворот.

Миклош тем временем сложил в сумку все свои пожитки и теперь грустно сидел на табуретке в углу комнаты. Все уже было сказано. Янош отдал брату свои сэкономленные карманные

деньги, а Пал Буго протянул ему серебряный талер*.

— Держи! Правда, у нас эти талеры вышли из оборота, но где-нибудь за границей ты сможешь обменять его на местную валюту. А если не удастся обменять, пусть он будет твоим талисманом. Я получил его от одного старика, которого спас, когда он тонул в Тисе. Старик сказал, что этот талер оберегает от козней дьявола.

Поезд отправлялся в десять вечера.

По всей гимназии уже разнеслась весть о том, что Миклош Касони пускается в дальние странствия, и многие однокашники пришли на вокзал проводить его. Миклош, растроганный таким вниманием, по-дружески попрощался с каждым из них и даже пожал руку Беле Винцехиди.

А потом обнял Яноша, на глазах у которого выступили слезы, и воскликнул:

— Ну-ну, не надо плакать! Не на смерть ведь я отправляюсь, а всего лишь на поиски лучшей доли.

— Что верно, то верно! — подхватил Пал Буго.

Но и он невольно прослезился.

Поезд тронулся, и гимназисты дружно замахали руками ему вслед.

Пал Буго некоторое время огромными прыжками бежал рядом с вагоном, соревнуясь в скорости

* Талер — крупная серебряная монета; имела хождение в Германии и ряде европейских государств.

с поездом. И только поняв, что поезд ему не догнать, остановился и прокричал:

— Миклошка, береги талер, который я тебе дал!

Миклош, высунувшись из окна, махал рукой, пока Пал Буго не скрылся из виду.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой Цезарь Барберри собирается
покорять мир, и в этом ему помогают
некоторые из наших знакомых*

Миклош приехал в Фиуме дождливым декабрьским утром.

В этом городе почти не бывает снега, но зато постоянно идут дожди, особенно зимой. Вот и в этот раз уже в предгорьях Карста* зарядил ливень, сопровождавший поезд почти до самого моря.

Когда Миклош сошел с поезда, было шесть часов утра. Он подумал, что искать своих друзей еще слишком рано — в такое время они наверняка спят, — и поэтому решил прогуляться к морю, о котором много читал и слышал.

Прямо от вокзала шла каштановая аллея, ведущая к центру города. Миклош удивленно рассматривал магазинные вывески на итальянском

* Карст — здесь: плато на северо-западе Балканского полуострова.

языке. Он где-то вычитал, что Фиуме – это жемчужина венгерской Священной Короны. Попадались надписи и на венгерском, но они явно терялись на общем фоне.

И люди вокруг говорили по-итальянски.

Вдоль всей аллеи тянулся один длинный торговый ряд, где были разложены фрукты, и продавцы старались перекричать друг друга, расхваливая свой товар.

Миновав несколько кривых закоулков и перейдя какую-то улицу, Миклош вышел наконец к порту. И тут же в лицо ему ударил влажный соленый воздух, и взору открылось бескрайнее море.

Каждого, кто впервые увидел море, оно поражает своим величавым спокойствием, за которым до поры до времени таится всеокрушающая сила. Но венгра, видевшего море только на картинках, особенно впечатляет, что именно Адриатика раскинула перед ним свой голубой простор. Та самая Адриатика, которую горделиво бороздили галеры Лайоша Великого* и которая омывала границы венгерского королевства. И не важно, что Адриатика сейчас принадлежит Италии и что не звучит больше на ее побережье венгерская речь, – для венгерского народа она так и осталась частицей родины. Эти суровые прибрежные скалы и крепостные руины хранят память о самых

* Лайош Великий (1326–1382) – король Венгрии в 1342–1382 годах, король Польши (под именем Людовик I Великий или Людовик Венгерский) с 1370 года.

кровопролитных сражениях рыцарских времен. И на деньги из венгерской казны Фиуме возродился заново, чтобы стать одним из красивейших приморских городов.

Миклош Касони долго стоял на берегу моря, погруженный в свои мысли, и ему казалось, что вовсе не морская гладь простерлась перед ним, а венгерская равнина, орошаемая унылым осенним дождем. Там, на этой равнине, – отчий дом, в котором седовласый человек сидит у окна, вглядываясь в необозримую даль, где исчез его сын. И как будто бы слышится голос дядюшки Мартонфалви:

– Эх, Миклошка, как ты нас всех опечалил!

И в ответ – утешающий голос Яноша:

– Он обещал мне, что вернется...

Дойдя в своем воображении до этого места, юноша вдруг почувствовал, что по щекам его текут горячие слезы. И, уткнувшись лицом в ладони, он горько зарыдал.

Слезы, идущие из глубины души, всегда приносят облегчение. Вот и сейчас, выплакавшись, Миклош ощутил, как легко сразу стало на сердце. Да к тому же и дождь прекратился, и солнечные лучи, заигравшие над гребнями гор, окончательно развеяли его грустные мысли.

И он отправился на поиски своих друзей.

Виктор написал ему, что вся труппа остановилась в гостинице «София». Зная о неприязни господина Барберри к фешенебельным отелям, Ми-

клош предположил, что «София» – это какой-нибудь дешевый постоялый двор, и поэтому не пошел в центр города, а решил здесь же, на побережье, поспрашивать местных жителей.

Его скудные познания в немецком языке со- служили ему добрую службу. Многие моряки и портовые служащие понимали по-немецки, так как им приходилось общаться с людьми разных национальностей, в том числе и с немцами.

Едва приступив к расспросам, Миклош вдруг почувствовал, что на плечо ему легла чья-то рука. Каковы же были его удивление и радость, когда, обернувшись, он увидел перед собой самого господина Барберри, директора прославленного цирка!

Однако это был уже не тот Барберри – в куцей жилетке и широченных потертых брюках, который когда-то появился со своим цирком в селе Ньиришаш. Этот Барберри щеголял в скюртуке с длинными фалдами, облегающих панталонах и блестящем цилиндре, раньше украшавшем его массивную голову только во время выступлений. Но самым примечательным в этом новом облике были золотые часы-луковица на серебряной цепочке, свисавшей из нагрудного кармашка.

И в его голосе уже не было прежней теплоты, когда он спросил:

– Молодой человек, вы кого-то ищете?

– Я ищу господина Цезаря Барберри, – отозвался Миклош.

– Он перед вами, собственной персоной, – проговорил директор цирка. – Чем могу быть полезен?

Миклоша несколько озадачил этот высокопарный тон, но он, собравшись с духом, выпалил:

– Я хотел бы поступить в вашу труппу. Говорят, вы собираетесь в турне по Европе.

– Совершенно верно, молодой человек, если считать Балканский полуостров Европой. Что же касается ангажемента, то вам для начала следует переговорить с моим секретарем – господином Виктором Барберри. А он уже подаст мне докладную о вашей профессиональной пригодности. Идемте, я вас провожу к нему.

Господин Барберри шагал впереди, а Миклош семенил за ним, недоумевая, что за метаморфоза произошла с этим человеком. Его походка приобрела молодцеватость, словно его подменили. И это высокомерие... И золотые часы, которые он каждые пять минут вынимал из кармана, словно желая убедиться, не остановилось ли время.

Они свернули в глухой закоулок, состоявший из уродливых, черных от грязи хибар, где размещались еще более грязные трактиры. Когда они подошли к самому невзрачному из этих домишек, господин Барберри обернулся и объявил:

– Ну вот, здесь наша контора.

Но сколько Миклош ни озирался по сторонам, он не увидел никакой конторы и вообще ничего,

кроме трактира, над замызганной дверью которого едва просматривалась вывеска, оповещающая о том, что они находятся возле гостиницы «София».

Господин Барберри приоткрыл дверь и опасно заглянул внутрь.

— Знаете, здесь иногда безобразничают пьяные матросы, — пояснил он, — поэтому приходится принимать меры предосторожности. Но, кажется, все в порядке. Пошли!

Он уверенно перешагнул через порог, и Миклош двинулся за ним. Миновав пивной бар и оказавшись в узком темном дворе, они остановились у ветхой двери с приколотым к ней потрепанным обрывком бумаги, на котором было выведено большими буквами:

Директор постучал в дверь и крикнул:

— Эй, Виктор, я привел к тебе хорошего знакомого!

Дверь распахнулась, и на пороге появился Виктор. Лицо его озарилось радостной улыбкой. Крепко обняв Миклоша, он шепнул:

– Я знал... Я верил, что ты обязательно вернешься!

– Вот я и вернулся! – взволнованно ответил Миклош. – И надеюсь остаться с вами.

– Ну, я пошел, – сказал господин Барберри. – Если меня будут спрашивать, я в «Золотом фазане».

Он взглянул на часы и удалился все той же молодцеватой походкой, легко лавируя между кучами мусора, загромождавшими двор.

Виктор пригласил Миклоша в свою крошечную комнатку, явно не рассчитанную на посетителей. Все мизерное пространство занимали маленький столик и табуретка. Вдвоем они там кое-как поместились, но если бы появился кто-то третий, ему пришлось бы поддерживать разговор, стоя во дворе.

– Ну, рассказывай, дружище! – начал Виктор. – Что у тебя нового, чем ты занимался все это время?

Миклоша не пришлось упрашивать. Он с готовностью поведал о том, как старался сдержанное данное отцу слово и прилежно корпел по ночам над учебниками, не забыв упомянуть и о своих сложных отношениях с одноклассниками, и об унылых буднях дебреценовской гимназии.

Виктор слушал его затаив дыхание, а под конец грустно покачал головой:

– Ах, как бы я хотел оказаться там, на твоём месте!

– Но сейчас-то я здесь, – вздохнул Миклош. – Нищий бродяга, у которого вся надежда на господина Барберри.

– В таком случае, я думаю, ты не пожалеешь, что связался с бродячими комедиантами! – воскликнул Виктор, воодушевляясь. – У нас хорошие перспективы на будущее, много интересных планов. Вероятно, завтра мы покинем эти края, чтобы через какое-то время вернуться на родину богатыми людьми. Ты же видел папу. Он буквально сам не свой!

– Да, верно, – кивнул Миклош. – Я как раз и хотел спросить, что произошло с господином Барберри. Его невозможно узнать.

Виктор улыбнулся.

– Теперь ты здесь уже свой человек, и я могу тебе сказать, что нам привалила большая удача. Недавно к папе после представления подошел солидный господин, назвавшийся полковником Симичем из Македонии*. И спросил, не хотел бы он со своим цирком поехать на гастроли в Болгарию, Румынию или Турцию. На что папа ответил: «Господин полковник, я много чего хотел бы на этом свете, но мне мешает одна маленькая закавыка: отсутствие денег...» Тогда полковник Симич сказал, чтобы папа не беспокоился о деньгах, так как он, Симич, ангажирует нашу труппу

* Македония – государство в южной части Балканского полуострова.

и готов незамедлительно выдать аванс. Но при этом выдвинул условие: весь путь мы должны проделать на корабле.

— На корабле? — удивился Миклош. — Я, правда, не очень силен в географии и все-таки знаю, что отсюда морским путем в Македонию не попасть.

— На самом деле все очень просто, — отмахнулся Виктор. — Полковник обещал позаботиться о корабле, который доставит нас к берегам Далмации*.

Миклош задумчиво почесал в затылке.

— Что ж, мне, по большому счету, безразлично, куда ехать. Главное, чтобы вместе с вами.

— Полковник дал папе денег, — продолжал Виктор. — И довольно приличную сумму. Так что он с тех пор постоянно сидит в «Золотом фазане» и играет в домино с господином Густавом. И даже принял в нашу труппу еще двух человек. Ты третий... Да, а полковник поставил также условие, чтобы мы ничего кроме кибиток с собой не брали. Никакого багажа. Потому что ему нужен корабельный трюм.

— Станный человек этот ваш полковник, — заметил Миклош.

В этот момент раздался сильный стук в дверь.

* Далмация — историческая область на северо-западе Балканского полуострова, на побережье Адриатического моря, на территории современных Хорватии и Черногории.

– А вот и он, – сказал Виктор. – Легок на помине. Он считает, что все кроме него глухие.

Дверь распахнулась, и на пороге появился чернобородый великан в черном макинтоше на распахку. Его смуглое лицо было испещрено множеством шрамов, свидетельствующих о том, что этот человек уже давно принял боевое крещение и с тех пор не единожды побывал на полях сражений.

– Где господин директор? – спросил он на ломаном венгерском.

– Папа в «Золотом фазане», господин полковник, – услужливо ответил Виктор.

Полковник покосился на незнакомого юношу.

– А это кто такой?

– Это наш новый артист. Воздушный гимнаст и наездник.

Полковник смерил взглядом ладную фигуру Миклоша и одобрительно кивнул. После чего изобразил прощальный жест и грузно потопал через двор к выходу.

– Занятный субъект! – промолвил Миклош. – Знаешь, он мне кое-кого напоминает... Из одной книжки. Вылитый атаман разбойников. Не хватает только пистолетов и кинжалов за поясом.

Виктор развел руками.

– Я то же самое сказал папе и предупредил, что надо остерегаться этого человека. Но он отмахнулся и заявил, что готов заключить союз с самим дьяволом, если это принесет деньги.

В дверь снова постучали, но как-то робко, чуть слышно, — в отличие от предыдущего посетителя. И на пороге появилась молодая женщина в розовом платье и широкополой шляпе.

— Я ищу господина директора, — сообщила она, раскусывая ослепительно белыми зубами тыквенное семечко.

— Он в «Золотом фазане», мадемуазель, но скоро придет, — сказал Виктор. — Если у вас что-то срочное, сходите туда.

— Да ладно, — пробормотала женщина.

Она стояла на пороге и так сосредоточенно грызла тыквенные семечки, что казалось, будто ничего кроме этих семечек ее не интересует.

— Мадемуазель, — нарушил молчание Виктор, — позвольте представить вам нашего нового коллегу, господина Миклоша Касони.

Дама в розовом сделала изящный книксен.

— Л'Эстабилье. Наездница-вольтижерка. А вы? Работаете на канате?

— И на канате, и на лошади, — ответил Миклош, краснея от смущения.

Она бросила на него оценивающий взгляд.

— Вы так молоды! Новичок, наверное? Я-то давно работаю. Десять лет уже. Три раза ломала правую ногу, два раза левую... Что поделаешь! Искусство требует жертв!

Виктор галантно уступил ей свою табуретку. Она села и больше не проронила ни слова, грызя тыквенные семечки, которые одно за другим

вынимала из ридикюля, и рассеянно глядя куда-то в пространство. Когда семечки закончились, она принялась за арахис. И только исчерпав все свои запасы, поднялась с места и бесстрастно известила:

— Я зашла, чтобы узнать, когда мы наконец поедem куда-нибудь. Сколько можно ждать? Барнум и Бейли опять предложили мне контракт. Так что уйду я от вас.

И она двинулась через двор к выходу, но тут же вернулась в сопровождении седобородого мужчины могучего телосложения.

— К вам Громобой Иванович, — сообщила дама. — Он уже тоже потерял терпение. Ему хочется работать.

— Это наш силовой акrobat, — пояснил Виктор в ответ на вопросительный взгляд Миклоша. — Он русский и на других языках не знает ни слова. Настоящий богатырь! Любые тяжести шутя поднимает.

Что бы ни говорила дама в розовом, Громобой Иванович вовсе не выглядел недовольным. Он флегматично поглаживал свою окладистую бороду и бросал пытливые взгляды на носки своих сапог, словно ожидая услышать от них что-то важное.

— Нет, я точно у вас не останусь! — пробурчала мадемуазель л'Эстабиле, после чего поспешно удалилась.

— Я слышу это от нее уже две недели, — заметил Виктор. — Папа уверяет, что мадемуазель не уйдет от нас, даже если он вознамерится ее уволить... Однако уже полдень. Пора бы пообедать. Громобой составит нам компанию.

Русский богатырь не понял, о чем идет речь, но с готовностью последовал за Виктором и Миклошем. Они пересекли грязный двор, свернули в узкий переулок и через пару минут уже входили в ближайший трактир.

Все трое заканчивали трапезу, когда дверь трактира с грохотом распахнулась и перед ними предстал взволнованный сверх всякой меры Цезарь Барберри.

— Ах вы, каналы! — вскричал он. — Вы тут преспокойно набиваете свои утробы и даже думать забыли о своем директоре, у которого забот больше, чем волос на голове!

И он снял цилиндр, чтобы продемонстрировать все еще довольно пышную шевелюру. А тем временем трактирщик, по всей видимости уже знакомый с господином Барберри, поставил перед ним большой бокал вина. Директор залпом осушил его и, переведя дух, выпалил:

— Мы отплываем сегодня вечером!

Громобой Иванович кивнул, как будто понял сказанное.

— Корабль уже будет ждать нас, — продолжал господин Барберри. — Совсем скоро попутный ветер наполнит паруса и понесет нас навстречу

новой жизни. Готовьтесь, парни! Вечером общий сбор в «Золотом фазане».

И, не в силах совладать с волнением, он бежал из трактира, успев только выкрикнуть с порога:

– Ура!

– Ура!.. – подхватил русский богатырь.

– Друзья мои! – торжественно произнес Виктор. – Это поистине знаменательный день. Перед нами открываются блестящие перспективы. Нас ждут европейские столицы, и я верю, что мы не ударим в грязь лицом. Давайте выпьем за здоровье полковника Симича, который подарил нам эту возможность!

Позже, в кафе «Золотой фазан», Миклош увиделся и с господином Густавом. Старый клоун вскочил из-за столика, обнял Миклоша и растроганно воскликнул:

– Вот ты и снова с нами! Это судьба. Помня мое слово, из тебя выйдет великий артист. Искусство у тебя в крови, и оно тебя не отпустит.

За соседним столиком сидели светловолосая Мари-Мари и Мисс Аталанта. Женщина улыбнулась:

– Теперь тебе уже не надо надевать маску. Я уверена, что это из-за нее ты упал. Она тебе мешала.

А семилетнее чудо-чадо дернуло его за рукав и потребовало:

– Поцелуй меня! Ты мне нравишься.

Миклош с нежностью поцеловал ребенка. Никогда еще у него не было так легко на душе, как сейчас. Все вокруг приветствовали его, словно родного, искренне радуясь его появлению. Он чувствовал, что все его любят и, в свою очередь, тоже любил их. И ощущал необыкновенный прилив сил при мысли о том, что ему предстоит работать бок о бок с этими замечательными людьми.

В «Золотом фазане» ждали полковника Сими-ча. И вот наконец дверь распахнулась, и на пороге возникла его внушительная фигура. Окинув угрюмым взглядом всю компанию, полковник протопал к самому дальнему столику в углу, сел и погрузился в глубокое молчание.

Все притихли, выжидательно поглядывая на него, но он неподвижно сидел, склонившись над своим столиком и ни на кого не обращая внимания. И поднял голову только при появлении мадемуазель л'Эстабилье, притащившей с собой грудку коробок.

— К чему столько баракла? — мрачно пробурчал он и снова углубился в свои мысли.

В кафе вся компания просидела до полуночи. За оживленными разговорами время шло незаметно. В предчувствии увлекательного путешествия все пребывали в прекрасном расположении духа, шутили, смеялись. Даже Громобой Иванович однажды вставил какую-то реплику, но его, конечно же, никто не понял. Барберри без конца

вынимал и снова убирал в карман свои золотые часы. Видно, ему очень нравилось, что они ни на миг не переставали равномерно тикать.

В полночь полковник выбрался из своего угла, где так и просидел, не проронив ни звука, прошептал что-то на ухо Барберри и ушел.

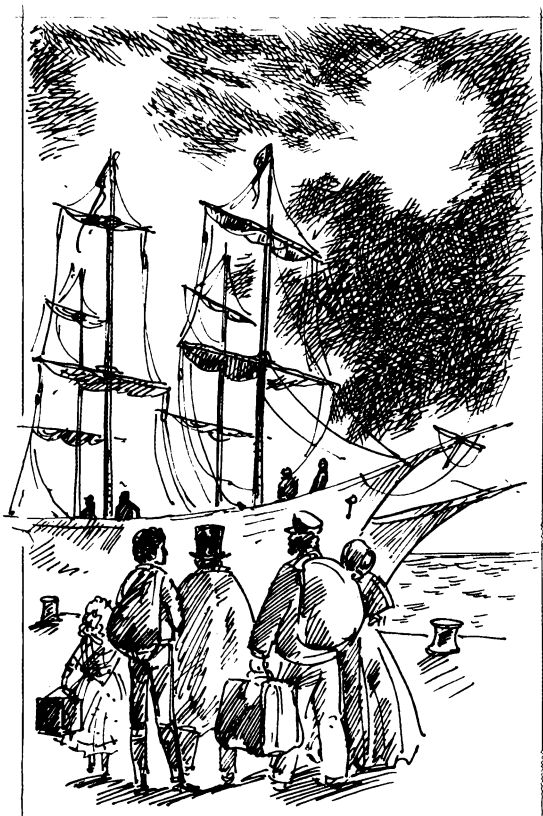
— Полковник сказал, что мы должны через четверть часа отправиться к причалу, — с заговорщицким видом пояснил директор своим подопечным. — Он будет нас ждать около корабля.

Теперь от часов господина Барберри была по крайней мере определенная польза. Он положил их на столик перед собой и внимательно наблюдал за движением секундной стрелки. Когда прошло ровно пятнадцать минут, вся компания покинула кафе и направилась в сторону порта.

— Да, вот еще что, — на ходу спохватился директор. — Чтобы никаких разговоров, никаких вопросов! Полковник этого не любит.

В полном молчании они шли через порт. Над темной водой высились огромные корабли, погруженные в дрему. С моря дул свежий соленый ветер, а по небу сквозь лохмотья облаков медленно пробиралась луна. Кругом царила тишина, только время от времени издалека доносились надрывные пароходные гудки.

— Вы знаете, как называется наш корабль? — прервал молчание Барберри. — Он называется «Сан-Мартино». Но нам проще будет называть

Возле берега покачивалась довольно вместительная шхуна.

его «Мартоном»*. Это прекрасный, испытанный корабль, и при попутном ветре он будет лететь как птица.

Вся компания с волнением внимала речам своего директора. И как было не волноваться, если им предстояло долгое морское путешествие! Никто из них не знал в точности, куда они направляются. Да и какая разница? Вот директор, пусть он и решает.

Они уже миновали территорию порта, когда откуда-то из темноты послышался негромкий свист.

— О, это нам! — шепнул Барберри. — Мы на месте.

Сделав еще несколько шагов, они увидели стоявшего на берегу полковника Симича.

— Поторапливайтесь, — буркнул он. — Сейчас как раз тот ветер, который нам нужен.

Возле берега покачивалась довольно вместительная шхуна, и ее широкие паруса хлопали под неистовыми порывами ветра.

— Ну, с Богом! — крикнул Барберри и первым поднялся по трапу на борт судна. За ним последовала его труппа.

К тому времени, когда вся компания почти на ощупь, лишь при тусклом мерцании светильников, кое-как разместилась на палубе, шхуна

* Мартон — венгерский аналог имен Мартин, Мартын.

уже отчалила от берега и мчалась на всех парусах по водной глади.

Внезапно откуда-то из темноты появился другой корабль. Как раз тут же из-за лохматых облаков выплыла луна.

– Стоять! – крикнули с корабля.

В лунном свете ясно были видны люди в форме и с ружьями в руках.

– Стоять! – снова скомандовал зычный голос. – Спустить паруса!

С «Сан-Мартино» никто не ответил. Шхуна, поймав попутный ветер, стремительно уходила от преследователей.

Внезапно над водной гладью гроыхнул выстрел. Пуля угодила в борт шхуны и застряла в нем.

– Хорошо стреляют черти полосатые! – усмехнулся полковник Симич. – Будь у «Сан-Мартино» шпангоут* хоть на дюйм тоньше, мы бы уже были на небесах.

Преследователи тем временем заметно отстали и вскоре растаяли во мраке ночи.

Миклош, лежавший на палубе рядом с Виктором, прошептал:

– Кажется, у нас на корабле какой-то левый груз. Иначе зачем мы стали бы удирать?

* Шпанго́ут – поперечная балка корпуса судна, подкрепляющая наружную обшивку и обеспечивающая прочность и устойчивость бортов и днища.

— Я знаю, что это, — так же шепотом отозвался Виктор. — Это порох. В трюме полно бочек с порохом... Ну все! Давай помолимся — и спать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой постоянно заходит речь
о странном фракте* полковника, а господин
Барберри признает, что не был достаточно
ловким дипломатом*

Удивительное это зрелище — рассвет над морем.

Бескрайняя водная гладь начинает постепенно светлеть, как будто ее озаряют не солнечные лучи, а какой-то неведомый источник света из морских глубин. Затем усиливается ветер и откуда-то издалека к кораблю приближаются серебристые гребни волн. Внезапно на горизонте появляется красно-золотистая полоса — она становится все шире и шире, пока, наконец, над горизонтом не поднимается огненный шар — солнце.

Вся компания была уже на ногах, впервые в жизни наблюдая это диковинное явление. Утро

* Фрак т — плата за транспортировку грузов или использование судна; также — собственно перевозка груза на зафрахтованном судне.

выдалось прохладное, и наши путешественники, ежась под порывами ветра, сновали туда-сюда по палубе, чтобы хоть как-то согреться. Теперь, при свете солнца, они могли разглядеть корабль, на котором оказались волею судеб. Это было вовсе не такое уж замечательное судно, как могло показаться со слов господина Барберри. Скорее заурадная, ветхая с виду шхуна, вряд ли сумевшая бы выдержать даже не самый сильный шторм. И хозяин шхуны, некий Беппо, был под стать своему суденышку: изрядно потрепанный жизнью, влачащий жалкое существование старый матрос-неудачник, хватавшийся за любую возможность хоть что-нибудь заработать. Он постоянно сидел на носу корабля, апатично покуривая трубку, и ему явно не было никакого дела до своих пассажиров.

Вся корабельная команда состояла из двух субъектов — на вид абсолютных отбросов общества, подобранных, вероятно, в самой захудалой портовой таверне. Один был косоглазым, у другого добрую половину лица уродовал страшный ожог, к тому же он ходил, переваливаясь с боку на бок, с таким трудом, как будто хромал на обе ноги.

Полковник Симич не баловал артистов своим вниманием. Он подолгу простаивал то на носу, то на корме корабля, изучая горизонт с помощью большой подзорной трубы.

Артисты беспокойно слонялись по палубе. Господин Барберри громко кашлял, стараясь привлечь внимание полковника, но все эти попытки ни к чему не приводили. И он наконец решился действовать напрямик.

— Господин полковник, что же это происходит? Вы совсем забыли про нас. А ведь мы еще не завтракали.

Полковник, продолжая глядеть в подзорную трубу, даже не обернулся в его сторону. И тогда директор цирка, набравшись храбрости, тронул его за плечо и жалостливо проговорил:

— Послушайте, Симич, дорогой Симич! Как вы можете заставлять артистов голодать? Я вас умоляю, распорядитесь подать нам завтрак!

Полковник опустил подзорную трубу и повернулся к Беппо.

— Я вижу белый пароход. Боюсь, что его послали за нами. Йоков сдержал свое обещание и предал нас. Через пару часов они нас догонят.

Беппо смачно плюнул в море.

— Хороший закон был когда-то в Венеции, — пробормотал он. — Предателям отрезали языки.

Барберри в отчаянии дернул чернобородого великана за рукав макинтоша.

— Симич, ну скажите же хоть что-нибудь! Мы что, так и останемся без завтрака?

Полковник, раздраженно смерив его взглядом, процедил сквозь зубы:

— А ну уговоритесь! Здесь я начальник. Как я скажу, так и будет. А если вы этого еще не поняли, сейчас у вас будет возможность пораскинуть мозгами. Эй, Марко, Дьюко!

Оба матроса моментально подскочили к господину Барберри и, подхватив его под руки, затащили в трюм и в считанные секунды задраили люк.

Вся актерская компания потрясенно наблюдала за этой скорой расправой с их директором. Виктор сразу рванулся было к Симичу, чтобы сбросить его в море. И русский богатырь Громобой Иванович уже засучил рукава. Но старый клоун Густав остановил их обоих.

— Хальт!* — рявкнул он. — Тут какое-то недоразумение, — и своим зычным басом, перекрывая шум ветра, пророкотал: — Полковник, ребята собираются выбросить вас за борт, если вы сию же минуту не освободите нашего директора.

Симич, усмехнувшись, выхватил из кармана макинтоша револьвер и направил его на Густава. И тотчас же у Беппо и обоих матросов в руках также оказались револьверы.

— Спокойствие, господа! — проговорил полковник. — Я всего лишь хотел, чтобы вы уяснили: здесь команду я, а не господин Барберри! И все вы должны подчиняться мне, а кто не согласен, отправится на корм акулам. Надеюсь, вы поня-

* Halt (нем.) — стоп; стоять.

ли, что я не шучу, — он повернулся к матросам. — Освободите господина Барберри!

Один из них открыл люк, и из трюма показалось бледное лицо насмерть перепуганного директора. Он быстро вылез наружу и нервно заметался по палубе, пока не оказался в центре своей труппы — у большого барабана, на котором Густав и Громобой Иванович приноровились играть в карты.

— Это несправедливо! — проворчал он и больше не вымолвил ни слова.

Вся компания сбилась в кучу, растерянно озираясь по сторонам.

— Похоже, мы угодили в ловушку, — грустно констатировал Виктор.

Полковник Симич больше не выпускал из рук подзорную трубу, то и дело поглядывая в нее. Ему не давал покоя корабль, который он увидел вдалеке. Он долго совещался с Беппо, пока они не пришли к какому-то решению. После чего он обратился к артистам:

— Господа, примите мои искренние извинения за этот прискорбный инцидент. Я понял, что не могу больше держать вас в неведении относительно происходящего. Вы невольно, сами того не зная, помогли мне в одном очень важном деле. Собственно для этого вы мне и были нужны, — он обвел взглядом окружающих. — Неужели кто-то из вас еще верит, что я, бывший офицер австро-

венгерской армии, впоследствии перешедший на службу к русскому царю, а в настоящее время один из руководителей македонских повстанцев, так увлекся цирком, что ангажировал вашу труппу?.. Абсурд! Но тогда зачем я это сделал?

Поскольку никто ему не ответил, он продолжал:

— А вот зачем. Мне надо было, не привлекая к себе внимания, зафрахтовать судно и спокойно погрузить туда все необходимое. Но сам я не мог этим заняться, потому что меня знают в каждом порту. Где бы я ни появился, полиция не спускает с меня глаз. Буквально шагу не ступить без того, чтобы за мной тут же не увязался шпик. Короче говоря, необходима была подставная фигура для улаживания всяческих формальностей. И тут мне повстречался милейший господин Барберри, к которому я сразу же проникся глубокой симпатией. Надеюсь, мне еще представится случай показать, как высоко я ценю его искусство, и он не будет таить на меня обиды.

С этими словами полковник отвесил поклон директору цирка. Тот уже пребывал в приподнятом настроении и благодушно отмахнулся.

— Какие пустяки! Я рад был оказаться вам полезным, господин полковник.

— Таким образом, — продолжал Симич, — я подрядил господина Барберри помочь мне в весьма опасном предприятии. Он от своего имени арендовал это судно, нанял матросов, которых

я к нему послал, и без проволочек оформил все необходимые документы. Ведь нет ничего особенного в том, что бродячая цирковая труппа собирается совершить морское путешествие. Надо сказать, на парусной шхуне легче разместить все цирковое снаряжение, чем на пароходе. Господин Барберри даже распорядился погрузить сюда обе ваши кибитки, лошадей, шесты, тросы, парусину... – в этом месте полковник выдержал паузу, прежде чем огорошить присутствующих следующим сообщением. – Но ночью я велел выбросить все эти вещи вместе с лошадьми к чертовой матери. Они занимали слишком много места в трюме.

У Барберри подкосились ноги, и он, обессиленно рухнув на палубу, простонал:

– Господин полковник, вы меня разорили! Это все, что у меня было! Кто я теперь? Нищий бродяга...

Чернобородый великан поднял его, поставил на ноги и похлопал по плечу.

– Не переживайте так, господин Барберри! Я незамедлительно компенсирую вам все убытки. Только позвольте уж мне закончить. На место выброшенного скарба я под покровом ночи поместил другой груз – не тот, что был указан в декларации для портового управления. Здесь теперь бочки с порохом, динамитные патроны и ружья. Опасный груз... Достаточно одной искры, чтобы все мы взлетели на воздух.

Густав, кутивший сигару, с перепугу сунул ее в рот горящим концом и натужно закашлялся.

А полковник продолжал как ни в чем не бывало:

— Кстати, вчера мы были очень близки к тому, чтобы попасть на небеса. Если бы та пуля пробила шпангоут, мы бы уже здесь не разговаривали. И никто не узнал бы, куда мы делись. Поэтому здесь нельзя разжигать огонь, и мы не можем предложить господам артистам горячий завтрак, как хотелось бы. Зато у нас в избытке вяленая морская рыба и галеты... Да, и еще марочные вина — на самый изысканный вкус.

При этих словах губы на грустном лице клоуна Густава растянулись в блаженную улыбку, а директор цирка возбужденно потер руки.

— Однако, друзья мои, нас подстерегает новая опасность, — вздохнул полковник. — Так хорошо задуманная комбинация оказалась под угрозой срыва, и надо быть готовыми ко всему. Дело в том, что один из моих парней, сербский контрабандист Йоков, накануне отплытия сдрейфил и сбежал с корабля. Беппо целый вечер искал его повсюду, чтобы этот жалкий трус навеки умолк и уже не смог выдать нас, но так и не нашел. Не исключено, что Йоков успел рассказать о наших планах местным властям, и этот белый пароход, который, как я вижу, постепенно приближается к нам, послан за нами в погоню.

Все дружно повернулись в ту сторону, куда смотрел полковник, но ничего не увидели. Конечно, чтобы разглядеть в необъятной дали появившееся где-то у горизонта судно, надо было обладать таким же острым зрением, как у полковника, или его подзорной трубой.

— Не буду от вас скрывать, — добавил Симич, — что, если мы не сможем оторваться от погони, нас ждет печальная участь. Мне придется взорвать корабль.

Это сообщение не прибавило оптимизма нашим путешественникам. Они уныло слонялись по палубе, бросая по сторонам растерянные взгляды. А в это время один из матросов притащил бочонок с вяленой рыбой и достал из трюма несколько бутылок красного вина.

— Угощайтесь, дамы и господа! — пригласил он. — Возможно, это будет ваша последняя трапеза. Все зависит от того, удастся ли нам вовремя добраться до далматинских берегов, где можно укрыться в какой-нибудь скалистой бухте и переждать опасность.

Полковник уже взялся за еду, и артистам ничего не оставалось, как последовать его примеру. Вяленая рыба никому из них не пришлась по вкусу, а еще меньше понравились галеты, которые полковник уплетал с большим аппетитом, макая их в вино.

Этот своеобразный завтрак длился в полном молчании. И только когда все насытились, мадемуазель л'Эстабилье обронила:

– Полковник, не забывайте, что здесь, на корабле, находятся и дамы. С вашей стороны будет большой бестактностью выполнить свою угрозу и взорвать корабль.

– Сударыня, я надеюсь, до этого у нас дело не дойдет, – галантно отозвался Симич.

Тем временем матросы под руководством Беппо с помощью особых снастей – шкотов – растянули нижние углы парусов, а кроме того, прикрепили к мачтам все куски парусины, какие только нашлись на корабле. И он еще быстрее понесся по водной глади.

Беппо, который стоял за штурвалом, то и дело оглядываясь по сторонам, вдруг встревоженно махнул рукой. Вдали снова показался уже знакомый Симичу белый пароход. Он мчался вслед за шхуной, понемногу сокращая разделявшее их расстояние.

– Мы пропали! – вздохнул господин Барберри.

В этот момент ветер усилился, и с западной стороны на кромке неба появилась огромная буря туча. Она постепенно увеличивалась в размерах, расстилаясь над морем.

– Боже правый! – ужаснулся Беппо. – Взамен сирокко на нас надвигается борá.

Полковник Симич, не очень хорошо знавший Адриатику, похлопал хозяина шхуны по плечу.

– Что ты там бормочешь, старый разбойник? Что случилось?

– А то, сударь мой, – горестно отозвался Беппо, – что юго-восточный ветер, сирокко, благодаря которому мы летели, как на крыльях, иссяк. Вместо него мы получим более сильный ветер.

– Так тем лучше! – воскликнул полковник. – Ведь фараоны того и гляди нас догонят. Боюсь, что придется отстреливаться.

– Не думаю, что вам удастся воспользоваться оружием, – возразил Беппо. – У этого северного ветра, который мы, моряки, называем бора, есть одна неприятная особенность. Он порой подхватывает корабли и раскалывает их, как орехи, о скалы или подводные рифы. Или же попросту вздымает огромные волны – и они забавляются с несчастным судном, как с игрушкой, пока оно навсегда не скроется под водой.

Ветер с каждой минутой усиливался.казалось, пришли в движение какие-то неведомые силы, скрывавшиеся до сих пор в морских глубинах. Набегавшие волны с шумом бились о борт корабля, и он качался и скрипел, словно собираясь развалиться на части.

Миклош обнял Виктора, опасливо взиравшего на этот разгул стихий:

– Не бойся! Я умею плавать. Еще в детстве много раз переплывал Тису. Если нас смоем в воду, держись за меня. Я буду плыть, пока

мы не доберемся до того белого парохода. Честно говоря, мне совершенно не хочется оставаться с полковником на этой злосчастной шхуне.

– Мне тоже это не по душе, – вздохнул Виктор.

Господин Барберри внезапно зашатался и, побледнев, прошептал:

– Кажется, я умираю!..

– Что за чушь? – рассмеялся полковник. – Это всего-навсего морская болезнь.

Один из матросов подскочил к господину Барберри, чтобы отвести его в галюн.

Вскоре то же самое понадобилось и его супруге. За ней последовали и чудо-чадо, и клоун Густав. Мадемуазель л'Эстабилье тем временем любовалась гребнями набегающих волн, но в конце концов и она не выдержала:

– Ой, не могу!

Матрос и ей помог добраться до отхожего места.

Только Миклош, Виктор и Громобой Иванович мужественно переносили качку.

Полковник Симич нервно прохаживался по палубе и то и дело поглядывал в подозрную трубу, наблюдая за белым пароходом.

– Черт возьми! – пробурчал он, сложив подозрную трубу, и вынул револьвер. – Никак они от нас не отвяжутся. Похоже, пора браться за оружие.

— Бросьте эти глупости, полковник! — отмахнулся Беппо. — У нас даже не хватит времени, чтобы прочитать «Отче наш», прежде чем бора покажет нам свой свирепый нрав, — он перекрестился. — Парни, следите за парусами! Сейчас начнется...

И в подтверждение его слов уже через несколько мгновений чудовищный шквал подхватил корабль, поднял его на гребни волн и тут же швырнул вниз.

Море окончательно разбушевалось.

Полковник сунул револьвер в карман и вцепился в перила, чтобы не упасть.

В следующий момент грот-мачта затрещала и раздался оглушительный хлопок. Это порвался канат, которым был привязан к рее один из верхних углов паруса. И теперь этот парус болтался на одном конце реи, трепыхаясь на ветру, как крыло гигантской птицы, и с шумом бился о палубу.

— Надо что-то делать! — всполошился Беппо. — Он же порвет мне остальные паруса! Нужно или закрепить его, или отвязать... Эй, Марко, Дьоко! Чего вы разинули рты? Действуйте!

— Пресвятая Мадонна! — воскликнул матрос с обожженным лицом. — У меня дома молодая жена, и мне вовсе не улыбается перспектива сгинуть в морской пучине!

— А меня ждет старенькая мама, — подхватил косоглазый, заговорщицки подмигнув приятелю.

В ту же секунду корабль так качнуло, что все упали
на палубу.

— Трусливые шакалы! — вспыхнул Симич. — А я-то считал вас настоящими мужчинами. Но, как вижу, зря!.. Неужели никто не может разобратся с этим проклятым парусом?

— Я могу, господин полковник, — шагнул вперед Миклош.

В ту же секунду корабль так качнуло, что все упали на палубу. Миклош первым вскочил на ноги и быстро, с кошачьей ловкостью взобрался на самый верх грот-мачты. А затем, вынув из кармана складной нож, перерезал канат, на котором беспомощно болтался парус. Ветер тотчас подхватил огромное полотнище и унес его в море.

— Молодец! — похвалил Миклоша полковник, когда тот спустился на палубу. — Ты мне сразу понравился, с первого взгляда. И я хочу спросить: нет ли у тебя желания присоединиться ко мне? Там, куда я направляюсь, очень нужны такие смелые молодые люди.

— Спасибо, господин полковник, — отозвался Миклош, — но я остаюсь с господином Барберри.

Шхуна, освобожденная от ненужного балласта, снова стремительно мчалась по бушующему морю.

Белый пароход, к большому облегчению полковника Симича, совершенно исчез из виду, скрытый высокими волнами.

Вдалеке из-за голубой дымки тумана проступили очертания скалистых берегов. И вскоре уже

можно было разглядеть плоские крепостные стены над внушительным горным массивом.

Бора, прозванная рыбаками «тещей Адриатического моря», продолжала раскачивать корабль, проверяя его на прочность, но «Сан-Мартино» был в надежных руках и ни на дюйм не отклонился от заданного курса.

А тем временем огромная черная туча продолжала разрастаться, охватывая весь небосвод. Она стлалась так низко над водой, что стало темно, как будто наступила непроглядная ночь. Видны были только белокрылые чайки, с громкими криками носившиеся над черными волнами.

Внезапно со стороны берега что-то гроыхнуло, перекрыв звуки бури.

Беппо растерянно развел руками, а полковник Симич встревоженно выругался.

— Черт бы их побрал! Они так взбаламутят все побережье! Из этой австро-венгерской крепости нас будут обстреливать, пока не потопят.

На вершине горы вспыхнул факел и снова прогремел пушечный выстрел.

— Все пропало! — обреченно вздохнул полковник.

Но в следующий момент послышался раскатистый грохот, заглушивший звуки пушечной пальбы. Это уже загремело небо. И тут же хлынул сильнейший ливень — настоящий водопад. В этом сплошном потоке воды и в двух шагах невозможно было что-либо разглядеть.

Старый контрабандист хлопнул полковника по плечу.

— Сама природа благоволит к нам, сударь! Теперь нам и сам черт не страшен!

И, крепко держа штурвал, он во весь голос запел старую рыбацкую песню.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, *в которой перед нашими путешественниками проплывают, как в сновидениях, средневековые города*

Буря утихла. «Сан-Мартино» расправил паруса и, влекомый попутным ветром, стремительно разрезал озаренную солнцем водную гладь невдалеке от далматинского побережья.

Вся компания проводила время за разговорами, расслабленно развалившись на палубе под лучами теплого солнца. Только русский богатырь Громобой Иванович безмолвно стоял, прислонившись к мачте и глядя на буруны за кормой корабля. Цезарь Барберри, который тяжелее всех перенес приступ морской болезни, окончательно пришел в себя и, беззаботно озираясь по сторонам, приговаривал:

— Родина артиста — весь белый свет! Мы, люди искусства, можем жить в любой точке земного шара.

— Мне тоже так думается, дружище, — подхватил Густав. — Я бывал в России, объездил всю Сибирь. В Нижнем Новгороде клоуна Густава знали не хуже, чем в Мадриде или Кадисе. Для нас, как и для других бродяг всякого рода, знакомство с новыми краями — это всегда радость. Между прочим, на Балканах я ни разу не был.

И тут в разговор вступила мадемуазель л'Эстабилье, сообщив всем присутствующим, что ей когда-то уже довелось побывать на Балканах в составе парижского кабаре. Она расхваливала тамошнюю публику, с восторгом отзываясь о гостеприимстве местных жителей. Вскоре, однако, выяснилось, что мадемуазель, как все французы, не в ладах с географией и на самом деле рассказывает о Венгрии. Миклош понял это, когда она упомянула о Дебрецене — ведь город с таким названием есть только в Венгрии.

Полковник Симич, осознав, что все опасности остались позади и больше ничто не помешает ему доставить по назначению его нелегальный груз, заметно повеселел и с довольным видом прохаживался по палубе, подкручивая усы.

Но охотнее всего он проводил время в компании Миклоша и Виктора, испытывая явную симпатию к этим бравым, крепким парням, похожим друг на друга, как родные братья. Он подолгу рассказывал им о своем боевом прошлом и не скрывал, что хотел бы видеть их в рядах македонских повстанцев.

– Поверьте мне, – поговаривал он, – во всем мире, пожалуй, нет таких отважных воинов, как в албанских и македонских горах. Но неплохо было бы, если б число этих смельчаков увеличилось за счет молодежи. Знаете, бывали случаи, когда молодые парни в долине Вардара* становились вождями племен и даже македонскими воеводами.

Полковник Симич знал эти края как свои пять пальцев и мог без конца рассказывать о людях, которые здесь обитали.

– Народ, веками обживавший эти дикие места, теперь остался только в легендах, сохранных потомками тех мужественных людей. В те давние времена далматинцы безраздельно господствовали и на море, и на суше. Их правители вели постоянные войны с соседями. Их мореходы по поручению венецианских дождей привозили из дальних краев несметные сокровища... Где теперь те роскошные, расписанные позолотой и пурпуром галеры, на которых путешествовали короли и князья? Они давно покоятся в гуще водорослей на дне морском, обжитые крабами и моллюсками. А отпрыски легендарных пращуров ныне пасут в горах коз и доят овец. Но, надеюсь, скоро для них пробьет долгожданный час освобождения, и тогда македонцы, албанцы и далматинцы вернут себе былую славу!

* Вардар – река в Македонии и Греции.

При этих словах полковник прищурился, и его черные глаза полыхнули лихорадочным огнем.

Шла уже вторая неделя плавания, когда взорам наших путешественников открылся маленький городок, раскинувшийся на гористой местности и окруженный каменными стенами. За зелеными кронами деревьев виднелись щербатые крепостные башни и низкие, словно приплюснутые к земле, лачуги.

— Это Кастельнуово, — пояснил полковник. — Поглядите внимательно на этот город, парни! Когда-то короли устраивали там роскошные пиршества, а сейчас бедные далматинцы торгуют прославленным македонским вином. Его делают из редкого сорта винограда, растущего на вершинах гор.

Попутчики полковника Симича не разделяли восторга, с каким тот расхваливал этот невзрачный городишко, чьей единственной достопримечательностью являлись полуразрушенные каменные стены.

— Мне иногда кажется, что у нашего бравого полковника не все дома, — заметил Виктор.

— Я так не думаю, — отозвался Миклош. — Просто он не такой здравомыслящий, как все остальные. Романтик, склонный идеализировать прошлое. Порывистый, увлекающийся... Но его можно понять. Балканы — его родина. Он любит

здесь все. Ему эти руины старинных городов так же дороги, как нам, венграм, древние рыцарские замки. Это естественно. Конечно же, крепость Эгера* способна пробудить в моей душе более возвышенные чувства, чем жалкая далматинская деревенька, где обитали вожди каких-то племен, промышлявших грабежами и разбоями.

А полковник не переставал удивляться тому, что юноши без особого энтузиазма выслушивали его истории, и все еще не оставлял попыток заинтересовать их.

— Здесь, в Кастельнуово, в семнадцатом веке жил молодой человек по фамилии Скридов, прославившийся среди своих соплеменников необыкновенной силой и храбростью. Но, несмотря на эти замечательные качества, ему пришлось пойти по стопам отца — известного в этих краях башмачника. А ведь никто не умел так, как он, отслеживать дикого зверя на лесистых склонах гор и ходить с голыми руками на волков. Однако Скридов усердно трудился в мастерской отца, изучая сапожное дело.

И все-таки ему свыше была предначертана другая участь. Однажды отец послал его на базар, куда обычно съезжались из самых отдаленных мест торговцы и ремесленники со своим товаром. Едва юноша разложил на коврике отцов-

* Эг е р — город на севере Венгрии.

ские изделия – сапоги, тапочки и сандалии, – как к нему подошел седобородый мужчина с ятаганом* за поясом.

– Меня зовут Мустафа, – представился он. – Я ага Блистательной Порты**. Объехал я всю Албанию и всю Далмацию и нигде ни о ком не слышал таких похвал, как о тебе. О твоём бесстрашии и беспримерной удали... Ответь мне, не хочешь ли ты поступить на службу к земному наместнику Пророка? Пожалуй, ты бы мог стать одним из лучших янычар***.

– Многоуважаемый ага, как я могу думать об этом? – уклончиво ответил юноша. – Я ведь всего лишь сын башмачника Скридова, и мое дело – продавать свой товар.

– Хорошо сказано! – одобрительно кивнул Мустафа. – Твое дело – продавать свой товар, но это только здесь, на базаре... А кстати, подбери-ка мне какие-нибудь хорошие мягкие тапочки.

Он сел на коврик, а юноша начал примерять ему подходящие по размеру тапочки. И тут Мустафа сказал:

– Вечером за городскими воротами двое парней будут выгуливать своих жеребцов. Там будет

* Ятага́н – турецкое холодное оружие с изогнутым клинком.

** Ага́ – титул военачальников; Блиста́тельная По́рта – принятое в Европе в Средние века и в Новое время название правительства Османской империи (султанской Турции).

*** Яныча́р – солдат в Османской империи.

и третий жеребец – с золоченой сбруей и притороченной к седлу саблей. Это для тебя.

Тем временем Мустафа остановил свой выбор на паре тапочек, которые ему понравились и при-
шлись впору.

– Отдаю за два венецианских золотых, – ответил юноша на его вопросительный взгляд. – Таких тапочек нет больше нигде в мире.

Мустафа достал кошелек и кинул ему три золотые монеты. Скридов сразу же попробовал их на зуб. Одна из них ему не понравилась, и он бросился за Мустафой, громко крича:

– Высокочтимый ага, ты меня обманул! Это фальшивая монета!

Мустафа рассмеялся и дал ему еще два золотых.

Вечером, когда над морем взошла луна, три всадника скакали по горной дороге в расположение турецких войск. Одним из этих всадников был Скридов, сын башмачника из Кастельнуово.

Вот таким образом султан когда-то набирал себе армию.

Следует добавить, что Скридову ни разу не пришлось пожалеть о своем выборе. Он превратился в отважного воина, снискав любовь и уважение султана, и в конце концов стал янинским пашой* под именем Али.

* Яни́на – административная область; па́ша – титул высших гражданских и военных сановников в Османской империи.

– Видите, парни, как причудлива бывает судьба солдата, – закончил свой рассказ полковник Симич. – В те времена войско султана состояло из добровольцев и военнопленных со всего Средиземноморья. Сейчас у султана уже нет ни прежнего могущества, ни средств, чтобы платить наемникам. Но человек, решивший сделать военную карьеру, может добиться успехов и прославиться, участвуя в освободительной войне. Македонским и албанским повстанцам нужны отважные молодые люди. Кто знает, может быть, вы достигли бы еще более высокого положения, чем паша Али, сын башмачника.

Клоун Густав, который молчаливо стоял, прислонившись к мачте, и слушал этот рассказ, наконец не выдержал и, махнув рукой, проговорил:

– Нам все это понятно, господин полковник, ведь мы же не дети малые. Я уже давно догадался, что вы затеяли эту экспедицию не для собственного удовольствия. Ведь вы состоите на службе у русского царя. Разве не так?.. А Россия провоцирует освободительные войны и мятежи на Балканах, чтобы ослабить Турцию и покончить наконец с ее владычеством над этими территориями. Это же яснее ясного.

Полковник Симич подкрутил усы и раздраженно пробурчал:

– А я с самого начала не скрывал, что получил свой чин в русской армии. Верно и то, что

военное командование поручило мне доставить оружие и порох македонским повстанцам. Да, царское правительство поддерживает освободительное движение на Балканах. Этого требуют высшие политические интересы, которые никого из вас не касаются.

— Правильно, — кивнул Густав. — Мы, бедные артисты, не имеем никакого отношения к политике. А посему, господин полковник, не надо вербовать этих молодых людей в повстанческую армию. Их дело — вольтижировка и воздушная гимнастика. Больше они ничего не умеют.

Тут в разговор вмешался Миклош:

— Вы, однако, не закончили рассказ о янинском паше, господин полковник. Позвольте, я его завершу. Али Тепели, так звали пашу, встав во главе войска янычаров, взбунтовал албанцев, которые до той поры считались самыми преданными воинами султана. Паша повел их в крепость Янины, и там они два года выдерживали осаду армии султана. Многие из них погибли в кровопролитных сражениях, и наконец паша Али прекратил сопротивление и сдался. И голову первого среди янычаров любимца султана доставили в Стамбул на серебряном блюде. Вот так закончил свои дни Али Тепели.

Полковник Симич вытаращил глаза:

— Откуда тебе это известно, парень?

— Из учебника истории, — с улыбкой ответил Миклош.

С этого дня полковник прекратил все попытки завербовать молодых людей в македонскую армию. К тому же ему хватало головной боли с господином Барберри, который мотался за ним по пятам и требовал немедленно высадить всю труппу на берег, так как люди уже сыты по горло морскими приключениями. Поначалу полковник грубо посылал директора цирка к чертовой матери и по другим столь же известным адресам, но, убедившись, что это не возымело результата, пригрозил, что опять запрет его в корабельном трюме.

Вечером, когда стемнело, они проходили мимо бухты Каттаро*.

На горном склоне безмолвно раскинулся угрюмый город, окруженный каменными стенами, а на вершине горы мерцали огни крепости Сан-Джованни. В темноте невозможно было что-либо разглядеть, но полковник пояснил, что в крепости расположена батарея береговой артиллерии, контролирующая узкий вход в бухту, и если оттуда увидят их корабль, то вряд ли им уже суждено будет добраться до места назначения. К счастью, удалось незаметно проскочить мимо крепости, и «Сан-Мартино», поймав попутный ветер, стремительно помчался дальше.

* Каттаро — город в Далмации.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой наши герои обретают свободу
передвижения и начинают заниматься
своим делом*

Первые лучи солнца еще только начинали отбрасывать на воду золотистые блики, когда «Сан-Мартино» бросил якорь неподалеку от горного хребта, протянувшегося вдоль побережья. Склоны гор густо заросли деревьями и кустарниками, и в этой чаще не видно было ни одной живой души.

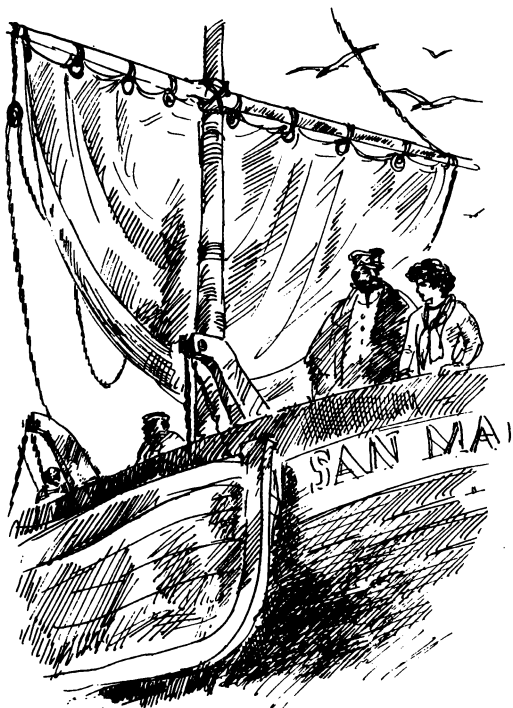
— Мы находимся в нескольких милях от Дураццо*, — объявил полковник Симич. — Отсюда вас на шлюпке доставят в город. Но если кто-нибудь из вас хочет остаться со мной, я не возражаю.

— Еще чего не хватало! — отвечивал от лица всей своей труппы директор цирка. — Мы рады, что остались целы и невредимы, сидя на пороховых бочках, и ни минуты больше здесь не остаемся.

— И ты тоже меня покидаешь? — повернулся полковник к Миклошу, все еще питая слабую надежду.

— Я состою в цирковой труппе Барберри и последую за своим директором, куда бы он ни направился, — отозвался Миклош.

* Дураццо — город в Албании.

Полковник помрачнел, как туча, и не промолвил
больше ни слова.

Полковник помрачнел, как туча, и не промолвил больше ни слова, наблюдая за матросами, которые спустили на воду шлюпку и перетаскивали в нее скудный цирковой реквизит. И все же напоследок пожал ему руку и пробурчал:

— Может, мы когда-нибудь еще встретимся. Я не таю на тебя обиды.

Наконец все разместились в шлюпке, и оба матроса взялись за весла. Через считанные минуты шлюпка обогнула мыс, и парусник исчез из виду.

И тут всю компанию охватило безудержное веселье. Как будто вырвавшись из плена, все враз зашумели, заговорили, перебивая друг друга, и подняли такой гвалт, что распугали чаек, занимавшихся в этот утренний час своим обычным промыслом, и они с возмущенными криками взмыли ввысь. Директор цирка от избытка переполнявших его чувств начал горланить песню, слов которой толком и не знал, а клоун Густав тут же подхватил ее своим могучим басом. Даже флегматичный русский богатырь Громобой Иванович заметно оживился и весело поглядывал по сторонам. Мадемуазель л'Эстабилье сняла свою широкополую шляпу и принялась крутить ее над головой, держа за ленточку. А Виктор продемонстрировал свой коронный номер: сделал стойку на голове и шапкой, заброшенной на ногу, помахал на прощание суровому горному хребту, за которым остался «Сан-Мартино».

Матросы энергично работали веслами — и вскоре впереди замаячили очертания города Дураццо.

Он ничем не отличался от других городов, увиденных нашими путниками на побережье. Но это их совершенно не волновало. Если б даже на том месте, где на карте был обозначен город, оказался необитаемый остров, они и этому были бы несказанно рады.

— Смотрите, какие прелестные домики! — воскликнул господин Барберри, показывая на уютные лачуги, так тесно прижавшиеся к горному склону, словно они боялись соскользнуть в море.

— Я слышан об этих местах, — сказал Миклош. — Когда-то герцоги Дураццо были самыми могущественными властителями в Италии. Они постоянно конфликтовали с королем и развязывали войны, как будто были наделены королевскими полномочиями.

— Наверное, здесь мы увидим их замки, — предположил Виктор.

— Ну, это вряд ли. Тут побывал венгерский король Лайош Великий со своей армией. Дело в том, что по приказу неаполитанской принцессы Иоганны здесь был убит его брат Эндре. И венгерский король, чтобы отомстить за брата, пришел сюда во главе большого войска и велел разрушить до основания все замки герцогов Дураццо.

Виктор удивленно уставился на Миклоша:

— Да ты, похоже, был не самым плохим учеником в гимназии!

— Ну что ты! — отмахнулся Миклош. — Я на самом деле неуч. Мне все это рассказывал мой младший брат Янчи. У него в одном мизинце больше знаний, чем во всей моей голове.

И в этот момент он унесся мыслями вдаль — в маленькую деревню на берегу Тисы, где как раз сейчас, наверное, вспоминают о нем. И ему до боли в сердце захотелось вновь оказаться там, рядом с отцом и братом.

От этих мыслей его отвлек сильный толчок — нос лодки со скрежетом уткнулся в песчаный берег. Артисты, весело гомоня, выскакивали на сушу и вытаскивали из шлюпки свои пожитки. Когда с этим было покончено, оба матроса, по-прежнему молча, столкнули лодку на воду, взяли за весла и принялись грести в обратном направлении.

Наши путешественники стояли перед длинным мостом, протянувшимся через болотистую топь к центру города. Веселое настроение сменилось унынием, и они растерянно озирались по сторонам, не зная, что им теперь делать в этом чужом краю.

— Ах, если б сюда наши кибитки! — вздохнул Цезарь Барберри.

— Да, это было бы замечательно, — пробормотал клоун Густав. — Но сейчас впору подумать

о другом. Найдется ли в этом захолустье публика, которую заинтересует цирк Барберри?

— Ну, за это я как раз спокоен, — самодовольно улыбнулся директор. — Даже если бы мы попали к дикарям, то и там наш прославленный цирк собрал бы массу зрителей.

От такого бахвальства клоун Густав поморщился и отошел в сторону.

По мосту, возле которого они стояли, сновал туда-сюда всякий портовый люд; слышался разноречивый говор.

В нескольких шагах от артистов остановился молодой мужчина в матросской бескозырке. Он держал во рту догоравшую сигарету, рискуя опалить усы, но даже не пытался переместить ее или выбросить, потому что для этого надо было вынуть руки из бездонных с виду карманов брюк. Оглядев всю компанию, мужчина в бескозырке что-то спросил на иностранном языке, которого никто не знал. Пожав плечами, он двинулся было через мост, но тут же вернулся и пристально уставился на господина Барберри.

— Вы случайно не Матэ Берчек? — спросил он вдруг по-венгерски.

Директор цирка так растерялся от неожиданности, что сумел лишь пролепетать:

— Нет... То есть да...

— Я Пал Чайко, ваш сосед из Римасомбата, — проговорил матрос, протягивая ему свою огромную лапищу. — Неужели вы меня не узнаете?

– Пали, сынок! – воскликнула Мари-Мари. – Ты ли это?

– Тетушка Лизи! – повернулся к ней матрос. – Ба, и Виктор, дружище!.. Да ты уже совсем взрослый... Постойте, а каким ветром вас сюда занесло?

– Об этом мы еще успеем поговорить, – промолвил господин директор, обретая свой обычный начальственный тон. – Пали, голубчик, первым делом отведи нас в какой-нибудь приличный ресторан, где можно получить сало с красным перцем и бутылочку молодого терпкого вина. Я уже три недели ни о чем так не мечтал, как о тонких ломтиках дебреценского сала.

Пал Чайко почесал в затылке.

– Да, и я до сих пор не забыл этот вкус. А ведь прошло уже четыре с половиной года, как я тайком сбежал из дома, провалившись на выпускных экзаменах в школе... Эх, кто бы знал, сколько раз я потом жалел о своем поступке и плакал по ночам, когда оставался один! Ну да ладно, что теперь об этом?.. Идемте! Надо перейти через мост.

Он подхватил две большие сумки и закинул их на плечо. Напрасно Виктор и Миклош уверяли, что лучше справятся со своим багажом. Пал Чайко только покачал головой.

– Не думаю. Ведь это моя профессия. Я последнее время работаю здесь в порту грузчиком.

На глаза ему навернулись слезы – то ли от нахлынувших воспоминаний о родном доме, то ли оттого, что догоравший окурок обжег ему губы.

По дороге Пал Чайко засыпал своих соотечественников вопросами: как поживает его старенькая мать, что нового в Римасомбате, каким в этом году выдался урожай?..

Перейдя через мост, они оказались на главной улице Дураццо, если можно было назвать улицей этот узкий, грязный проулок. Здесь явственно ощущалась близость Востока – того неопрятного, ленивого, романтического и живописного Востока, где люди делятся на две категории: или очень богатые, или очень бедные.

Здесь толпилось столько народу, что казалось, будто все тысяча двести жителей этого городка высыпали на улицу, чтобы приветствовать Цезаря Барберри и его цирковую труппу. И если бы не глубокая задумчивость на их лицах, то ничего не стоило бы внушить маленькому тщеславному человечку, что все эти бродяги, слоняющиеся по улице, евреи и армяне, сидящие возле своих лавок, и шумные, крикливые цыгане собрались тут ради него.

Пал Чайко привел всю компанию к неказистому двухэтажному домишке, за распахнутыми воротами которого виден был заваленный мусором двор. Над воротами буквы с полустершейся позолотой оповещали, что это заведение для приез-

жих под названием «Европа», а владельцем оно-го заведения является некий Эфраим Мотий.

Поставив на землю тяжелые сумки, Пал Чайко пояснил, что это единственная гостиница во всем Дураццо, но вряд ли здесь удастся отве-дать дебреценского сала.

– Эй, Мотий! – зычно гаркнул он. – Поди сю-да, кровосос ненасытный!

В глубине двора показался низкорослый, смуг-лый бородатый человек в черной тюбетейке. Он пристально уставился на пришельцев.

– Этот мазурик – хозяин «Европы», – с отвра-щением в голосе произнес Пал Чайко. – Ростов-щик из армян. Мироед, не брезгающий брать в залог даже матросские бескозырки.

Мотий, не знавший ни слова по-венгерски, по-нял только, что Чайко привел к нему постояль-цев, и удовлетворенно потер руки. А может, он таким образом стирал грязь с ладоней.

– Приветствую вас, уважаемые дамы и госпо-да! – торжественно произнес он на ломаном не-мецком. – Если вы прибыли сюда с благочести-выми намерениями, я предоставляю вам достой-ный приют и самые изысканные яства на всем Балканском полуострове. Кто вы и откуда пожа-ловали?

Директор цирка выпятил грудь и не менее торжественно сообщил:

– Я Цезарь Барберри, а это моя труппа. Мы со-вершаем гастрольный тур по Европе.

Это известие не слишком обрадовало армянина. Он поскреб затылок под тубетейкой, и радуший в его голосе заметно поубавилось.

— Так, значит, вы — бродячие комедианты, — протянул он. — Это меняет дело. Я попрошу, голубчики, оплату вперед. А иначе все дальнейшие разговоры бесполезны...

— Я согласен! — воскликнул Барберри, с гордостью ударив себя кулаком в грудь. (Там во внутреннем кармане пиджака находился бумажник, набитый деньгами, полученными от полковника Симица в качестве возмещения убытков.)

— Вот и хорошо! — расплылся в улыбке армянин, и в его тоне появились подострастные нотки. — Может быть, я могу вам чем-то помочь... Какие у вас планы? Сейчас как раз идут приготовления к завтрашней ярмарке, ожидается много гостей. Если вы планируете дать представление, то лучшего случая не представится.

— Это не так срочно, — отмахнулся директор цирка, чья самонадеянность гармонично сочеталась с раздувшимся от денег бумажником.

Густав ткнул директора локтем в бок.

— Я думаю, дружище, не стоит упускать такую возможность. Деньги имеют неприятное свойство заканчиваться.

— Ну-ну, — пробормотал Барберри. — Не надо так мрачно смотреть на вещи.

В гостинице Мотия были три комнаты на первом этаже, которые он и предоставил цирковой

труппе. Одну комнату заняли мужчины, еще одну — женщины, а на двери третьей, куда внесли весь цирковой реквизит, Виктор сразу повесил табличку «Дирекция». Лео, длинношерстный белый пес, лег у порога, а пестрая ангорская кошка Каро растянулась на мягком узелке с одеждой.

Барберри, Густав и Пал Чайко уже сидели в гостиничном буфете, попивая из глиняных кружек местное красное вино и обсуждая планы на будущее. Пал Чайко, обитавший в Дураццо уже пятый год и знавший здесь буквально каждый камешек, поведал своим собеседникам, каким большим событием является ежегодная здешняя ярмарка. С гор спускаются пастухи, которые приносят свежее козье молоко и домашний сыр. Здесь же можно купить барана или овцу. Нередко на базаре появляются и предводители албанских племен. Они подолгу прохаживаются между палатками, выискивая оружие и всякий хозяйственный инвентарь.

Миклош, сидевший вместе с Виктором за соседним столиком, тяжело вздохнул:

— Пора бы и нам подумать об инвентаре. У нас ведь ничего не осталось, кроме одежды. Даже ни одной завалящей трапеции.

— Ну, это дело поправимое, — бодро возразил директор цирка. — За деньги все можно купить. Я же не унаследовал свой цирк от отца или деда. Все приходилось собирать по крупицам, а ведь я тогда был беден как церковная крыса.

Но теперь-то у нас есть деньги, так что это не проблема.

Армянин Мотий за стойкой бара насторожился, как охотничий пес, почуявший дичь. Хотя вся компания разговаривала по-венгерски, ему не составило большого труда догадаться, о чем идет речь. Не ускользнуло от его внимания и то, что артисты не имели с собой никакого оборудования.

Он подошел к Барберри и рассказал, что во время прошлогодней ярмарки в его гостинице оказалась одна бродячая цирковая труппа. И так получилось, что они не смогли заплатить за проживание и поэтому оставили в залог свой инвентарь, который с тех пор так и валяется в гостиничной кладовке.

Господин Барберри долго колебался, размышляя, вправе ли он приобретать у армянина-розтовщика имущество своих разорившихся коллег.

— Нет, не могу! — сокрушенно покачал он головой. — Как-то это непорядочно.

— Да перестань! — махнул рукой Густав. — Если не возьмем мы, возьмут другие. И потом — где мы еще раздобудем необходимый реквизит?

— Ну ладно! — согласился Барберри. — Давайте посмотрим, господин Мотий, что вы нам можете предложить.

Армянин снял с гвоздя связку ключей, зажег фонарь и пригласил всю компанию следовать

за ним. В стене маленького гостиничного дворика была дверь, ведущая в большой двор. Здесь находились многочисленные сараи и складские помещения.

Пал Чайко ткнул Барберри локтем в бок.

– Здесь он держит вещи, взятые в залог. Наверняка тут где-то есть склад, доверху набитый матросскими бескозырками. Даже не представляю, на кой черт Мотию все это барахло.

Тем временем армянин открыл дверь одного из складов. Вдоль стен этого помещения громоздилась всякая рухлядь, а посередине стояли две больше кибитки, разрисованные яркими красками. Светя себе фонарем, Мотий оглядел их со всех сторон и удовлетворенно кивнул:

– Полный порядок!

Миклош схватил Виктора за руку:

– Смотри, это же наши кибитки!

– Да нет, – отмахнулся Виктор. – Все эти кибитки похожи одна на другую, как братья-близнецы.

Цезарь Барберри удивленно покрутил головой, не веря своим глазам. А клоун Густав с воодушевлением возгласил:

– Есть все-таки на свете Бог, который не оставит в беде несчастных бездомных артистов! Теперь мы можем отправиться хоть на край света, кибитки – это для нас самое главное!

Мотий забрался по приставной лесенке в одну из кибиток и начал по одной выбрасывать оттуда беспорядочно сваленные в кучу вещи: трапеции, канаты, ширмы, конскую сбрую... В другой кибитке, куда уже по-хозяйски заглянул Барберри, обнаружились и шесты, и парусиновый шатер, и даже маленькая керосиновая плитка.

— Представляю, как обрадуется Мари-Мари! — пробормотал он.

А на свет появлялись все новые и новые сокровища: коврики, шелковые трико, медные тарелки, два больших барабана...

Прямо в руки Густаву вылетел белый клоунский колпак, который он тут же надел на голову и больше не снимал.

Теперь оставалось самое трудное: договориться о цене. Ушлый армянин сразу заметил, как обрадовались артисты, внезапно обретя столь необходимый им реквизит, и тут же заломил немалую цену.

Директор цирка, услышав, во что ему обойдется эта сделка, чуть не грохнулся в обморок.

— Таких цен не бывает нигде в мире! — с трудом вымолвил он, задыхаясь от возмущения.

А Пал Чайко, уже ни на шаг не отходивший от своих соотечественников, поднес к носу армянина свой огромный кулак и воскликнул:

— Ах ты, разбойник! Ты и так самый богатый человек в Дураццо! И тебе все еще мало?..

Однако с Мотием можно было договориться. Поторговавшись немного, он согласился на половину названной суммы, а чуть погодя удовлетворился и четвертью.

— А я-то считал себя состоятельным человеком, — вздохнул директор цирка, запихивая обратно в карман изрядно похудевший кошелек. — Да при таких расходах мы скоро совсем обнищаем!..

— Ничего страшного! — хлопнул его по плечу Густав. — Главное, что мы снова можем заниматься своим делом и хоть сейчас отправиться в путь.

— А давайте двинем в Салоники*! — предложил Пал Чайко. — Я там побывал однажды. Это самое красивое место на земле после нашего Римасомбата.

Обе кибитки тотчас выкатили в первый двор. Мари-Мари принесла вязанку дров и растопила плиту.

Увидев вьющийся над трубой дымок, Цезарь Барберри прослезился и, обняв Густава, растроганно пробормотал:

— Ты прав, дружище! Для странствующих артистов ничего не может быть лучше, чем своя крыша над головой. За это никаких денег не жалко!

* Салоники — крупный город в Македонии. Далее в тексте встречаются названия мелких македонских, албанских и болгарских городов.

Старый клоун подбросил в воздух свой колпак.

— А теперь пойдем в типографию — заказывать афиши. Труппа Барберри снова начинает гастроли!

Из трубы струился легкий прозрачный дымок, а большая пестрая кошка, благодушно мурлыкая, прохаживалась вокруг кибиток.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой наши герои отправляются
навстречу приключениям, рассчитывая
вернуться обратно сказочно богатыми*

Цирковой шатер установили на базарной площади. Пока Миклош и господин Густав устанавливали шесты и закрепляли трапеции, Виктор с Громобоем Ивановичем обошли весь город и почти на каждом углу наклеили ярко-красные афиши, огромными буквами извещавшие почтеннейшую публику о программе циркового представления. Заключительным номером должна была идти блестяще задуманная господином Барберри пантомима с бенгальскими огнями и ружейной пальбой. И название этой пантомимы звучало весьма многообещающе: «Сцены македонской битвы».

Пал Чайко, прочитав афишу, удовлетворенно кивнул.

– Славненько будет! – сказал он. – На этих ярмарках уже достаточно повидали самых знаменитых воздушных гимнастов и канатоходцев. Но настоящих македонских сражений тут еще не было, поскольку они происходят только в горах. Каждый житель Дураццо, у кого руки-ноги на месте, явится на это представление как миленький. Лишь бы сама пьеска не подкачала.

– Положись на меня, Пали, – отвечал господин Барберри, с самого утра занимавшийся постановкой этой пантомимы.

Армянин Мотий повел их обоих на задний двор и открыл дверь склада, доверху набитого самой разной одеждой. Чего там только не было: турецкая военная форма, болгарские, сербские, македонские, албанские национальные костюмы. Барберри и Пал Чайко отобрали там целую кучу старой одежды.

Затем армянин повел их на другой склад, где штабелями стояло старинное и новое оружие. Тут было столько ружей, сабель и кинжалов, будто Мотий собирался вооружить целую армию.

– У меня есть все, что должно быть у хорошего купца, – с гордостью приговаривал армянин. – Вот в прошлом году одна горная банда захватила маленькую турецкую пушечку. Привезли ее к Мотию, который тут же отвалил за нее столько, сколько она весила.

— А на кой ляд тебе пушка? — спросил Пал Чайко.

Армянин усмехнулся в свою черную бороду.

— Да мало ли? А вдруг воевода Апостол или воевода Шпачов или еще кто нагрянет сюда за оружием для своих людей. Так Мотий покажет им, какой товар у него есть, даже пушка. Ведь горцы новое оружие не очень-то покупают. А у Мотия вооружаются даже янычары турецкого паши. Потому что новое оружие слишком дорого. У Мотия дешевле. Здесь есть ружья и сабли, которые уже в третий раз ко мне попадают. И турецкие, и македонские солдаты то и дело дезертируют из армии и продают свои винтовки Мотию. Мотий все покупает, даже старые тапочки...

— Да по тебе давно уже виселица плачет! — заметил Чайко.

А господин Барберри закупил целую гору ржавых ружей и сабель.

— Зачем нам столько? — спросил бывший матрос. — Ведь если даже все артисты нацепят себе через каждое плечо по винтовке, и то останется много лишних.

— Ничего ты в этих делах не смыслишь, — мягко улыбнулся директор. — Разве участники пантомимы не должны носить оружие? И неужели на улицах Дураццо не найдется достаточно беспризорников, которые охотно помогут нам разыграть эту пантомиму? И разве у тебя в матросском

кабачке нет друзей, готовых посмотреть все наше представление, чтобы под конец самим стать македонскими воинами?

— Как нет?! — воскликнул Пал Чайко. — Да я хоть сейчас приведу пару сотен приятелей, у которых ветер в кармане и которые все равно бесплатно прорвались бы в цирк или просверлили бы дырочки в парусине.

— Ну вот видишь! — сказал мудрый Барберри. — Так ступай же и зови своих приятелей играть в «Сценах македонской битвы».

Бывший матрос, не забыв обговорить и свое участие в спектакле, сдвинул бескозырку на затылок и помчался мобилизовывать «македонских бойцов».

Ранним утром весь город был уже на ногах. Вовсю шли приготовления к ярмарке. Из окрестностей на площадь стекались запряженные мулами двуколки; греческие купцы ехали туда на фургонах, крытых брезентом. Мелкие торговцы запрудили все близлежащие улицы, а вдоль рыночных рядов гарцевали на лошадях албанцы в красочных одеяниях. И албанки держались в седлах так же уверенно, как и мужчины. По базарной площади горделиво прогуливались македонцы — у каждого за поясом кинжал и револьвер. Цыгане гнали на продажу лошадей; со страшным гомоном занимали свои места армяне-лавочники. На базарной площади раскинулось еще несколько шатров, но самым

большим и ярким был, конечно же, шатер цирка Барберри.

Еще не совсем рассвело, когда Виктор начал бить в барабан и медные тарелки. Миклош тем временем крутил шарманку, также раздобытую на складе Мотия. Господин Густав, вырядившись в цветастый клоунский костюм, дурачился, развлекая купцов на базарной площади, а сам Барберри в черных лакированных ботфортах, цилиндре и красном фраке прохаживался возле шатра и время от времени щелкал длинным бичом. Русский богатырь Громобой, скрестив руки, неподвижно стоял на подмостках, лишь изредка наклоняясь за валявшейся у его ног огромной железной чуркой, чтобы выжать ее над головой.

Бухал большой барабан, звенели медные тарелки, Мари-Мари едва успевала продавать билеты всем, желающим поближе познакомиться с цирком Барберри. Пал Чайко, напоминающий попугая в своей ярко-зеленой униформе с золотыми пуговицами, бодро прохаживался по арене, проверяя, все ли готово для представления.

Публика с шумом рассаживалась на составленных в ряды деревянных скамейках. В первом ряду расположился седобородый мужчина в красной феске*. Из-за пояса у него торчали рукоятки

* Фэска — мужской головной убор из красного фетра или шерсти в форме усеченного конуса, обычно с кисточкой.

револьверов и кинжалов с инкрустациями из драгоценных камней. Он сразу по-македонски обратился к Палу Чайко:

– Я хочу посмотреть только «Сцены битвы». Остальное меня не интересует.

Бывший матрос нахмурился и бросил на него высокомерный взгляд:

– Это будет в конце программы.

– Ну так поторапливайтесь! – буркнул старый македонец, усаживаясь поудобнее.

Наконец господин Барберри позвонил в колокольчик, представление началось и пошло в довольно быстром темпе. Все конные номера, естественно, выпали из программы, поскольку лошадей у труппы уже не было.

Наибольший интерес публики вызвал полет под куполом цирка в исполнении Миклоша. Все замерли затаив дыхание, когда он, зацепившись одной ногой за трапецию, принялся раскачиваться вниз головой – все выше, все круче... И наконец, отпустив планку, взмыл по широкой дуге ввысь и, сделав сальто, уже в падении ухватился руками за другую трапецию.

Раздались аплодисменты, крепкие кулаки застучали по деревянным скамейкам в знак одобрения, и даже старый македонец заерзал и скособочился, вытянув шею, чтобы лучше видеть отважного воздушного гимнаста. Когда номер закончился, в колпак господина Густава обильно посыпались медные гроши.

Барышня л'Эстабилье покорила зрителей красотой и ловкостью, когда грациозно прошла по канату.

Барышня л'Эстабилье из-за отсутствия лошадей не могла продемонстрировать чудеса вольтижировки. Но она и так покорила зрителей красотой и ловкостью, когда в своем безупречно сшитом кружевном платье грациозно прошла по натянутому канату, буквально не успевая посылать публике воздушные поцелуи в ответ на восторженные овации.

Громобой Иванович вышел в наброшенной на плечи медвежьей шкуре, в лохматом парике и с огромной дубиной в руках, словно некий пещерный человек. Он легко подбрасывал и ловил огромными ручищами всякие невероятно тяжелые предметы, а под конец взялся поднимать стол, сажая на него всех желающих, и даже с самыми упитанными греками русский богатырь справился без видимых усилий. Балканская публика яростно сражалась за право посидеть на этом столе. И снова Густав собрал богатый урожай.

Однако как ни старались артисты, публика в конце концов начала скучать, и уже слышались нетерпеливые голоса, требовавшие «Сцены македонской битвы». Старый македонец принялся стучать рукояткой револьвера по скамейке, бросая сердитые взгляды на матроса-униформиста. Тот услужливо подбежал к старику, поскольку знал людей подобного рода: таких лучше не раздражать, потому что им ничего не стоит напав на тебя дуло пистолета.

— Ну, так в чем дело? — гневно рявкнул македонец.

— Уже заряжают ружья, — прошептал Пал Чайко, многозначительно подмигивая.

Старик удовлетворенно пригладил бороду.

— Скажи своему хозяину, что здесь присутствует Юрдан Шпачов, воевода из Рударца.

Он произнес это таким тоном, будто по меньшей мере передавал директору цирка привет от короля Великобритании или от индийского магараджи. Но пройдоха Чайко и владыке Англии не отвесил бы более низкого поклона.

— О, сам знаменитый воевода Шпачов! — молвил он с волнением в голосе.

Находчивость хитроумного матроса была немедленно вознаграждена медным грошом. И сразу же за занавесом послышались оглушительные ружейные выстрелы. Загрохотал большой барабан, зазвенели сабли. Все взгляды выжидающе устремились в сторону занавеса.

Грянуло еще несколько залпов, и целая рать турецких солдат стремглав выскочила на арену. В отчаянии побросав оружие, турки с мольбой простерли руки к всаднику, с достоинством выехавшему из-за занавеса под оглушительную барабанную дробь. Его сопровождали македонские повстанцы, которые только что разгромили турецкую армию.

У всадника была длинная белая борода, как у воеводы Шпачова, а из-за пояса точно так же торчали рукоятки кинжалов и револьверов.

Повстанцы всем своим видом демонстрировали устрашающую воинственность и богатырскую отвагу. Сжимая в руках оружие, они целеустремленно глядели вперед.

Всадник, которым – как легко догадаться – не мог быть никто иной, кроме господина Барберри, поскольку все главные роли всегда доставались ему, остановился в центре арены и барственным жестом подозвал к себе одного из моливших о пощаде турок.

В пантомимах обычно не разговаривают, но господин Барберри знал, что публике как раз нравится все необычное.

– Эй, братец Нэчо! – крикнул он громовым голосом. – Почему ты предал арцовский отряд?

Нэчо, которого изображал Пал Чайко, бухнувшись на колени, взмолился:

– Пощади, великий воевода! Я не виноват. Всему виной моя жена, коварная Себра. Она вынудила меня пойти на предательство.

Два воина вывели из-за занавеса Себру – в ярком платье, на шее сверкающая золотом цепочка, взор стыдливо потуплен. Зрители сразу узнали в ней уже известную им барышню л'Эстабилье.

– Отвечай, Себра! – обратился к ней «великий воевода». – Кто тебя завербовал?

– Священник Петр и жена Младена Козака.

После этого привели священника Петра и Младена Козака с женой. В пышнобородом пастыре мало кто узнал бы клоуна Густава, зато Громобоя Ивановича невозможно было спутать

ни с кем, настолько он выделялся из общей массы своим могучим телосложением.

— А ну-ка Расскажи, братец Нэчо, как все произошло!

— В середине прошлого месяца в Кориманове появилась какая-то группа болгар. Я пошел к их главному, отнес творога да масла. И увидел, что это вооруженный отряд. Ну, вечером я взнуздал свою лошадку и поскакал в Дезоро к наместнику великого визиря. Рассказал ему все, что видел, и он дал мне за это пять турецких фунтов...

— Достаточно! — перебил его «воевода». — Остальное мы уже знаем. Наместник наслал на этот отряд турецкое войско. И ты был командиром особой части. Весь отряд до последнего человека уничтожили. Ведь так?

— Так, великий воевода.

— А помнишь ли ты, братец Нэчо, ту клятву, что мы давали прошлой зимой? Бороться за освобождение всех народов. Не быть больше ни сербами, ни болгарами, ни македонцами. Стать единой семьей. А вы нарушили клятву и поэтому все вы приговариваетесь к смертной казни!

И с тем же достоинством, с каким и появился, он ускакал, сопровождаемый свитой. На арене остались только предатели и несколько воинов. Предателям завязали белыми платками глаза, поставили их на колени. Грянул залп — и они повалились на землю.

Ах, какой шквал аплодисментов сразу потряс цирк — аж шатер чуть не обрушился на зрителей!

Старый предводитель македонцев неистовствовал от восторга в первом ряду и палил в воздух из пистолета. Весь зрительный зал самозабвенно шумел, бурлил, клокотал в едином порыве воодушевления. Господин Барберри уже несколько раз выезжал на арену и, сняв шапку, раскланивался и жестикулировал, выражая свою признательность публике.

Уже и расстрелянные поднялись с земли и скрылись за занавесом, а зрители все еще не покидали своих мест, продолжая кричать и аплодировать.

Наконец, матрос-униформист объявил во всеуслышание:

— Каждый, кто желает и дальше смотреть представление, должен купить новый билет.

В ответ раздались гул и недовольное ворчание, только старый предводитель македонцев счел это решение справедливым; он тотчас же поднялся и направился к кассе. Многие последовали его примеру, потому что им тоже хотелось еще раз посмотреть «Сцены битвы».

Теперь-то уж господину Густаву незачем было всякими прибаутками заманивать в цирк базарную публику: узнав о «Сценах битвы» и услышав ружейные залпы, люди валом повалили туда и в считанные минуты заняли все места. Прозвенел колокольчик — и представление началось снова...

К полудню, когда все артисты стали совершенно чумазами от пороховой гари, старый македонец, сидевший на том же месте и уже в пятый

раз просмотревший до конца «Сцены битвы», передал Палу Чайко, что хотел бы перемолвить-ся парой слов со своим собратом-воеводой.

Господин Барберри в сопровождении матроса-униформиста сразу же поспешил к старику. Да и как иначе? К такому благодарному зрителю следовало отнестись с должным уважением.

Македонец протянул руку директору цирка.

— Я уже сказал твоему помощнику, что я Юрдан Шпачов, воевода из Рударца. И скажу тебе прямо, что вы очень хорошо изображаете «Сцены битвы». Думаю, эти «Сцены» стоило бы посмотреть всем моим людям, да и соседям из других воеводств и вообще всем македонцам.

Господин Барберри рассеянно посмотрел по сторонам.

— Я догадываюсь, о чем ты думаешь, — продолжал воевода. — О том, что они сюда не приедут. Они живут далеко в горах, где находятся их села. Надо бы тебе отправиться туда, обойти все края, где живут македонцы и болгары. И можешь не бояться, ничего с тобой в пути не случится. Я дам тебе охранную грамоту со своей гербовой печатью. В тех краях всем известен герб старейшего воеводы.

— Мне надо подумать, — ответил директор.

— Я буду здесь до вечера, — сказал воевода, и на этом беседа закончилась.

Старик развязал кошелку с провиантом и, подкрепившись, отправился брать билет на следующее представление.

Весть о замечательных «Сценах битвы» разнеслась по всему базару, и народ валом валил к цирку. На черном от пороховой гари лице господина Барберри проступил лихорадочный румянец.

— Ах, какой аттракцион! — шептал он и уже в который раз пожимал левой рукой правую. — Барберри, я тебя поздравляю! Сам Шекспир мог бы позавидовать успеху, выпавшему на долю твоей пьески. Барберри, ты великий человек!

Мисс Аталанта, помогавшая в кассе Мари-Мари, притащила в раздевалку уже третий мешочек мелочи.

— Мама сказала, что у нас теперь денег куры не клюют, — сообщило это юное дарование.

Зрители, рассевшись на деревянных скамейках, нетерпеливо загомонили, требуя начинать представление. Барберри зазвонил в колокольчик, тяжело вздыхая при этом:

— О, родина, ты не ценишь своих сыновей! Только на чужбине к ним приходит истинное признание. Нет пророка в своем отечестве!..

И с этими словами он еще раз пожал себе руку.

К вечеру, когда все уже выбились из сил и этот затянувшийся спектакль, или, как выразился директор, «сбор денег», наконец закончился, старый македонец снова позвал Барберри.

— Ну, что ты решил, директор?

— Поеду, куда хочешь! — пылко отозвался Барберри.

Тогда воевода написал охранную грамоту, аккуратно выводя округлые буквы кириллицы, поставил на ней печать и, основательно утомленный переживаниями от общения с искусством, медленно заковылял к выходу.

Поздно вечером, когда артисты собрались в большой кибитке и начали строить планы на будущее, господин Барберри с энтузиазмом воскликнул:

— Друзья мои, мы станем миллионерами!

Миклош Касони невесело усмехнулся.

— Я по-другому представлял себе жизнь артистов, — вздохнул он. Но кому какое дело было до его детских иллюзий, когда маленькой цирковой труппе явно улыбалась удача?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой ночные посетители нарушают покой наших путешественников, особенно одного из них

— Судьбе угодно вести нас в дикие края, где живут народы, которые борются за свою свободу, — с воодушевлением произнес Барберри, за столько представлений успевший так переделывать «Сцены македонской биты», что труппа уже могла разыгрывать их своими силами, без привлечения добровольцев.

В благодарность за проявленное усердие он назначил Пала Чайко первым шталмейстером*.

— Первым и последним, — пошутил бывший матрос, поскольку других шталмейстеров в труппе не было.

Пал Чайко немного знал те места, куда им предстояло отправиться, так как за годы странствий побывал и в Македонии, и в Албании и даже успел посидеть в турецкой тюрьме в Монастире, будучи заподозренным в пособничестве бунтовщикам.

— Надо все время подниматься в гору, — сказал он, — и тогда мы безошибочно доберемся до Македонии. А там уж поблизости и Салоники — тот замечательный город, о котором я вам рассказывал.

Если бы шесть низкорослых горных лошадок, приобретенных господином Барберри на базаре в Дураццо, понимали человеческий язык, они пришли бы в уныние от этих слов. Да и кого могла порадовать перспектива все время идти в гору?

Громоздкие, ярко раскрашенные кибитки уже десятый день тащились по крутым горным отрогам, но ни разу еще на их пути не встретились настоящие македонские поселения. Так по крайней мере считал господин Барберри, убежденный, что в подлинной Македонии горы сделаны из чистого золота, а в ручьях вместо воды течет мед.

* Шталмéйстер — в цирке: человек, которому поручен уход за лошадьми.

Одичавшие жители запущенных деревень с полуразвалившимися лачугами удивленно пялились на раскрашенные кибитки, но среди желающих посмотреть «Сцены македонской битвы» лишь немногие могли заплатить за билеты. Остальные попросту проделывали кинжалами дырки в парусиновом шатре, чтобы бесплатно удовлетворить свою тягу к прекрасному, и с каждым разом этих дырок становилось все больше и больше.

И господину Барберри это наконец надоело.

— Все! — воскликнул он. — Никаких больше представлений, пока мы не доберемся до какого-нибудь города!

Новоиспеченный шталмейстер озадаченно почесал за ухом.

— Святой Бернгард! — пробормотал он. — Я что-то не уверен, есть ли вообще в Македонии города...

— Да перестань! — рассмеялся Барберри. — А где тогда живут воеводы? Ведь не будет же всевластный воевода прозябать в какой-нибудь вшивой деревеньке.

Пал Чайко пожал плечами:

— Воеводы иногда селятся на вершинах гор и пасут овец, потому что в некоторых воеводствах живут всего трое: сам воевода, его жена и его собака. Ведь никаких подданных у него уже не осталось. Одни полегли в сражениях, другие разбрелись по свету в поисках лучшей доли.

А горы все никак не желали кончаться. Стоило нашим путникам преодолеть один крутой подъем, как впереди тут же вырастала новая гора — еще выше прежней. Маленькие лошадки с трудом тащили по бездорожью тяжеленные кибитки, которые артистам то и дело приходилось толкать изо всех сил, чтобы помочь несчастным животным.

А тем временем съестные припасы уже были на исходе. И напрасно Миклош и Виктор постоянно носили ружья: никакой дичи в этой глухомани не водилось.

— Да это же просто Богом проклятое место! — вспыхнул Густав, сидя поздним вечером у костра. — Ни одного живого существа, ни одной крестьянской хижины!

— Эта часть горного хребта менее обитаемая, чем противоположная, — пояснил бывший матрос. — Но и там можно идти целый день и никого не встретить. Зато уж в Салониках вам скучать не придется.

— Оставь ты эти Салоники в покое! — проворчал Барберри. — Если нам здесь не улыбнется удача, туда мы уже не доберемся.

Однажды вечером Пал Чайко, вернувшись из предгорного перелеска, где он собирал валежник для костра, сообщил, что встретил там двух вооруженных людей, которым явно не понравилось, что кто-то бродит по их горам.

— Что за люди? — спросил директор.

— По-моему, это повстанцы, — шепотом отозвался шталмейстер. — Я думаю, они скоро нагрянут сюда.

— Что ж, посмотрим, что это за повстанцы такие, — пробормотал Барберри.

Однако обитатели здешних мест явно не торопились навестить пришельцев. Артисты успели поужинать и, расположившись вокруг костра, начали погружаться в сладкую дрему. На горы опускалась глубокая темная ночь, и на расстоянии трех шагов уже ничего не было видно. Где-то внизу, в долине, бежал по камням горный ручей, и его убаюкивающее монотонное журчание не нарушало ночного покоя.

И вдруг из темноты послышался звонкий мелодичный голос:

— Кто вы и чего вам здесь надо?

Барберри испуганно оглянулся и, прищурившись, разглядел во тьме очертания двух фигур. Ему померещилось, что за их спинами толпятся еще человек двадцать, но это могли быть и скалы.

Обе фигуры приблизились, так что в свете костра их уже можно было разглядеть. На них было типичное одеяние македонских повстанцев: шаровары, заправленные в сапоги с высокими голенищами, и цветастые кафтаны, подпоясанные широкими кушаками. Один из них оказался стройным юношей невысокого роста, а второй — могучим седоусым великаном. И у обоих в руках были револьверы.

Господин Барберри как будто бы уже давно готовился к такой встрече – он вынул из кармана охранную грамоту, выданную ему старым воеводой, и протянул ее македонцам со словами:

– Вот мое удостоверение!

Младший из двоих взял эту бумагу и, скользнув по ней взглядом, опустил револьвер. То же самое сделал и его старший товарищ.

– Как раз вас-то мы и искали, – сказал юноша, безуспешно сясь придать своему мелодичному голосу необходимую в такой ситуации строгость. – Нам стало известно, что вы последние, кто видел воеводу Шпачова. Его убили, когда он возвращался домой. Вы не знаете, кто это сделал?

Барберри, которому бывший матрос растолковал эти слова, в ужасе вскрикнул:

– Боже праведный! Доблестного воеводу убили! Не могу поверить... Кому он мог помешать?

– У воеводы было достаточно врагов. Мы должны найти и покарать его убийц! – с жаром произнес юноша.

Барберри окинул его испытующим взглядом.

– А ты сам-то кто? Присядь, поведай нам, что тут вообще происходит.

– Я очень спешу. Мне необходимо отыскать этих презренных убийц! – воскликнул юноша, и в его прекрасных глазах, затененных длинными ресницами, полыхнул яростный огонь.

– Э, да ты и не мужчина вовсе, – приглядевшись, установил Барберри. – Как же ты можешь браться за такие опасные дела?

– Вы правы, – покраснев, призналось это юное существо. – Я – Серба, дочь убитого воеводы. У меня были два брата – оба они пали смертью храбрых в борьбе за свободу, и мне теперь на роду написано отомстить и за них, и за отца. Смерть тиранам!

– Смерть тиранам! – зычно гаркнул ее молчаливый спутник, и горное эхо многократно повторило этот возглас.

Последние отзвуки эха еще не успели затихнуть на склонах гор, а Серба и ее спутник исчезли в глухой ночи так же неслышно, как и появились.

– Что за люди! – вздохнул Цезарь Барберри, опасливо поглядев им вслед. – Видят в темноте, как кошки... Скорее бы нам уже убраться из этих мест, где у женщин такие же необузданные нравы, как и у мужчин.

– Да и спать на скалах не очень уютно, – добавила мадемуазель л'Эстабилье.

Все уже уснули, а Миклош все сидел у догорающего костра, глядя, как взлетают и тают в воздухе яркие искры. Перед его мысленным взором вырисовывался промелькнувший, как мимолетное видение, облик очаровательной воительницы, яростный блеск ее прекрасных глаз – и в глубине его души исподволь возникало какое-то неведомое доселе чувство...

– Что за глупости! – вздохнул он, прогоняя это видение. – Ведь я же никогда больше ее не увижу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой мастер сожалеет
о созданном им произведении*

Ночи в горах становились все более холодными и туманными. Когда костер, поддерживаемый совместными усилиями, угасал, артисты, лязгая зубами от холода, постепенно, один за другим, перебирались в кибитку и, проснувшись утром, обнаруживали, что лежат вповалку на полу своей передвижной обители. Там было ненамного теплее, чем под открытым небом, но по крайней мере дощатые стенки этого домика на колесах спасали от пронизывающего ветра.

— Что за дикие места? — вздохнул господин Барберри, озираясь по сторонам. — Похоже, в этой Македонии нет никаких деревень...

— Как не быть? — отозвался бывший матрос. — Однако я не уверен, что мы находимся в Македонии. Может быть, это уже Албания. Вообще эти земли разделяет только горный хребет, и отличаются они друг от друга всего лишь тем, что Албания более дикая и малоисследованная. Один капитан, под началом которого я служил, в свободное время обучал меня географии. Так он говорил, что Албания — это «черная дыра» Европы. И на некоторых картах она и вовсе не обозначена, как будто ее и на свете нет. Только турецкие паши, которые там хозяйничают, этого не знают.

Прошло еще несколько дней, прежде чем наши путники наконец увидели что-то похожее на деревню. В горном ущелье среди лиственных деревьев беспорядочно лепились невзрачные приземистые хибары. Если бы не дымок, стлавшийся над трубами, трудно было бы поверить, что в этой глуши кто-то живет.

Перед тем как спуститься в ущелье, предстояло одолеть еще один крутой подъем. Вся труппа, кроме господина Барберри, изо всех сил толкала кибитки, помогая лошадям. А он шел впереди, понунив голову и вполголоса сокрушаясь о том, что позволил втянуть себя в эту авантюру.

Внезапно путь им преградили три здоровенных горца – типичные разбойники с револьверами в руках – и бесцеремонно схватили лошадей под уздцы. Их появление так напугало господина Барберри, что он обессиленно рухнул на придорожный камень и в отчаянии заголосил:

– Эй, матрос, первый шталмейстер, иди сюда!

Горцы, услышав непонятную речь, наставили на него дула револьверов. Директор цирка всхлипнул и закрыл лицо руками. Из-за кибитки появился Пал Чайко.

– Кто вы такие и куда направляетесь? – раздался громоподобный голос.

Бывший матрос, старательно подбирая слова, растолковал суровым детям гор, что перед ними передвижной цирк Барберри, прибывший сюда по просьбе воеводы Шпачова.

Мужчины переглянулись.

– Так вы, наверное, те самые комедианты, которые разыгрывали в Дураццо «Сцены македонской битвы»? – спросил один из них.

Пал Чайко торопливо кивнул. А второй горец проговорил:

– Мы слышали, как вы расстреляли предателей. Некоторые из наших друзей видели эту комедию и пересказали нам. Вы поступили по справедливости.

Когда бывший матрос объяснил директору цирка, о чем идет речь, тот воспрял духом, вскочил с места и, сняв шляпу, отвесил изысканный поклон. А Пал Чайко не преминул добавить, что это сам автор знаменитых «Сцен македонской битвы».

Третий из горцев, бросив испытующий взгляд из-под густых бровей на толстого коротышку, пробасил:

– Езжайте за нами! Старейшины нашего села как раз сейчас совещаются, чтобы вынести приговор трем предателям. А потом вы покажете нам, что умеете.

Село оказалось совсем недалеко. Наполовину деревянные, наполовину каменные лачуги лепились на горном склоне, словно ласточкины гнезда. Ни заборов, ни дворов не было и в помине. Цепные псы, скалясь, как голодные волки, рвались из своих будок. На их лай из хижин выскакивали вооруженные люди. Отчаянно галдя и жестикулируя, они спрашивали, что тут происходит, после чего апатично возвращались в свои лачуги.

– Ты знаешь, – прошептал бывший матрос на ухо Виктору, – мне кажется, мы попали в разбойничье село.

– Из чего ты это заключил? – спросил Виктор.

– Из того, что тут нигде не видно домашнего скота. А ведь чем-то же эти люди питаются, живут за счет чего-то. В Македонии и Албании полно таких сел. Если обнаруживается, что у сельского жителя нет домашнего скота, турецкие жандармы уже не сомневаются: это разбойник.

– Может, ты и прав, – пробормотал Виктор. – Во всяком случае, доверия они не вызывают. По виду – отъявленные головорезы. Как бы нам унести отсюда ноги?..

Тем временем за новоприбывшими увязалась целая стайка чумазных ребятишек, одетых в грязные лохмотья. Они бежали следом и пытались забраться в кибитки.

– Дети героев борьбы за независимость, – усмехнулся Миклош.

– Все эти герои борьбы за независимость – в основном разбойничьи атаманы, – пояснил Пал Чайко. – Они более храбрые и необузданные, чем остальные, а потому и герои. Их банды совершают набеги даже на греческие территории. Пока им хватает награбленного, они сидят у себя в горах и отсюда ведут самые настоящие войны с жандармами и правительственной армией. А если кого-нибудь из этих разбойников вешают, они тут же провозглашают, что он пал жертвой борь-

бы за независимость, хотя это всего лишь возмездие за его преступления.

Суровые горцы довели их до сельской площади, окруженной могучими ветвистыми дубами. Под деревьями стоял длинный дощатый стол, за которым сидели вооруженные седобородые люди. Обладатель самой длинной бороды восседал во главе стола.

— Подойдите к воеводе Приздену и попросите прощения за то, что вторглись на наши земли, — приказал один из сопровождающих.

Пал Чайко выступил вперед и произнес подобающие слова, выразив также свое почтение многоуважаемому воеводе. Тот внимательно выслушал его, махнул рукой сопровождающей артистов тройце и закрыл глаза, словно погрузившись в сон.

Все трое рьяно взялись за дело. Сначала обыскали всех членов труппы, затем тщательно исследовали содержимое кибиток. После чего доложили, что ничего интересующего их не нашли.

— Вы что же, путешествуете без денег? — досадливо спросил воевода.

— Мы бедные странствующие комедианты, ваше благородие, — подобострастно отозвался бывший матрос.

— Ладно, — кивнул воевода. — Чуть позже мы к этому еще вернемся. А сейчас нам со старейшинами предстоит принять решение по очень важному вопросу.

Артистов заперли в кибитке, и совещание, прерванное их появлением, продолжилось. Дело действительно было очень серьезное. Пал Чайко, сгорая от любопытства, отыскал в дощатой стенке кибитки подходящую щель, через которую мог следить за всем происходящим.

Речь шла о том, что троих членов шайки заподозрили в предательстве. Поводом для этого послужило не очень удачное нападение на купцов, направлявшихся со своим товаром на ярмарку в Монастир. Кто-то предупредил их о готовящейся вылазке, и все они оказались вооружены. Да еще в самый решающий момент откуда ни возьмись появился отряд турецких солдат. Потеряв несколько человек убитыми, банда отступила в горы. В предательстве обвинили трех албанцев, которых и раньше подозревали в том, что они являются тайными агентами турецкого наместника — паши Халмия.

— Приведите их! — сонным голосом приказал воевода.

Из ближайшей хибары вывели троих со связанными руками. Они не ждали от этого судилища ничего хорошего, и лица их покрывала смертельная бледность.

Воевода смерил всех троих равнодушным взглядом, после чего обратился к старейшинам:

— Собственно говоря, почтеннейшие, осталось только решить, заслуживают ли эти грешники веревки как презренные преступники или пули как солдаты вражеской армии.

– Пощадите! Я невиновен! – крикнул один из приговоренных.

Воевода лениво махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

– Давайте держать совет, почтеннейшие!

Старцы немного пошептались, а затем дружно закивали головами. Воевода погладил свою окладистую бороду и обратился к осужденным:

– Вы будете повешены еще до захода солнца.

– Пощадите! – снова крикнул один из этих несчастных. Но их уже схватили и увели обратно в хижину.

– А теперь давайте глянем на нашего пленного чужеземца! – возгласил воевода, и при этом в его глазах появился хищный блеск, а всю сонливость как рукой сняло.

Вооруженные стражи направились к другой хибаре и вывели оттуда по-европейски одетого белокурого мужчину в очках, со страдальческим выражением на лице.

– А вот и наш немецкий друг! – вкрадчиво промолвил воевода, буравя его колючим взглядом из-под густых бровей. – Между прочим, прошло уже три недели с тех пор, как вы попали к нам в плен. Как я вижу, горный воздух не идет вам на пользу. А ваши родственники, которым мы отправили письмо, до сих пор не прислали в качестве выкупа за вас тысячу пиастров*.

* Пиа́стр – денежная единица, имевшая хождение в ряде европейских стран.

Я очень прошу, напишите им сами, что они должны как можно скорее выслать две тысячи пиастров, потому что ваша жизнь в большой опасности. А пока можете идти.

Немец понуро поплелся обратно в дом.

— Вот негодяи! — разволновался господин Барберри, с тревогой ощупывая голенища своих сапог.

По совету бывшего матроса он заранее спрятал туда последние деньги, оставив разбойников с носом, так что они напрасно шарили по его карманам.

Хмурые вооруженные старцы стали понемногу расходиться. Солнце уже начинало клониться к закату. Запертые в кибитке артисты с тревогой ожидали своей участи. Что станет с ними в этой глуши? Удастся ли им выбраться из разбойничьего гнезда?

— Ох, Симич, Симич! — горестно вздыхал господин Барберри. — Надо ж было встретить тебя на свою голову!

Русский богатырь пробурчал что-то с угрозой в голосе, а клоун Густав безучастно пожал плечами. Виктор возбужденно сорвался с места, и в глазах его появился лихорадочный блеск.

— У нас ведь тоже есть ружья. Мы дорого отдадим свою жизнь!

— Отсюда, из окна кибитки, запросто положим человек двадцать, когда они приблизятся, — подхватил Миклош.

– Ой, только не надо стрельбы! – жеманно промолвила мадемуазель л'Эстабилье. – Меня это нервирует.

Но Мари-Мари и чудо-чадо Аталанта одобрили план молодых людей.

– Я не боюсь этих злодеев! – решительно заявила Мари-Мари. – Мы сумеем дать им достойным отпор.

Только Пал Чайко не принимал участия в разговоре, внимательно следя за тем, что происходит снаружи, – ведь там как раз обсуждали, что делать с бродячими артистами. Наконец он вернулся к своим товарищам со словами:

– По-моему, до стрельбы дело не дойдет.

В это время дверца кибитки открылась, и раздался голос:

– Выходите!

Бывший матрос вышел первым, за ним последовали остальные. Замыкал шествие господин Барберри, тщетно пытавшийся унять дрожь в коленках.

Воевода приветливо улыбался, подкручивая усы.

– Друзья мои, нам хотелось бы посмотреть ваше представление, – объявил он. – Эти знаменитые «Сцены македонской битвы», о которых у нас в горах так много говорят.

Как только бывший матрос перевел слова воеводы, господин Барберри моментально выступил вперед, оказавшись во главе своей труппы,

отвесил глубокий поклон и с самодовольным видом произнес:

— Я автор этой пьесы.

Воевода одобрительно кивнул и продолжил:

— После спектакля можете дальше держать свой путь. Ночью в нашем селе не должно быть посторонних.

Никогда еще члены цирковой труппы Барберри не готовились к представлению так быстро, как в этот раз. Шатер устанавливать не стали, только кибитки отодвинули в сторону и огородили широкий круг веревками, натянутыми на колышки. За этим ограждением разместились зрители, пришедшие со своими скамейками. Первые ряды заняли хмурые молчаливые мужчины, каждый из которых носил за поясом с полдюжины револьверов и кинжалов. Позади толпились женщины с закрытыми до самых глаз лицами. Чумазы ребятишки с громкими криками шныряли где ни попадя, путаясь под ногами.

На заднем плане развели костер, и яркие красные языки огня отгоняли надвигающиеся сумерки. А вдалеке, озаренные прощальными лучами заходящего солнца, ослепительно сверкали заснеженные вершины гор.

— Какое великолепное освещение! — заметил господин Барберри, по привычке потирая руки.

Артисты поспешно переоделись. Виктор ударил в большой барабан, и господин Барберри, уже в пышной накладной бороде, выехал верхом из-за кибиток на середину импровизированной арены.

Прославленные «Сцены македонской битвы» шли как обычно, однако на этот раз не было ни аплодисментов, ни одобрительных возгласов. Зрители молча, в полной тишине, досмотрели сцену казни, и только когда последний «предатель» рухнул на землю, по рядам в полумраке прокатился глухой ропот.

– Правосудие свершилось! – провозгласил воевода, поднимаясь с пня, на котором сидел.

И все повернулись туда же, куда и он. На толстых сучьях большого ветвистого дерева покачивались на веревках три человеческие фигуры. Это были те самые предатели, которых недавно приговорили к смертной казни. Их тихо повесили во время представления, и в полумраке пламя костра отбрасывало кроваво-красные блики на их безжизненные лица.

Барберри вздрогнул и отвернулся.

– Друзья мои, скорее прочь отсюда! – просто-на-простонал он. – Вовеки не найти мне покоя после такого зрелища!

Артисты торопливо упаковали свой инвентарь, и кибитки снова тронулись в путь. Никто не решался даже оглянуться, пока они не покинули злополучное село.

Цезарь Барберри, погруженный в свои мысли, то и дело вздыхал и наконец с горечью вымолвил:

– Никогда я не стал бы сочинять эту пьеску, если бы знал, как все это ужасно в действительности...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой наши юные герои подвергаются смертельной опасности, а потом происходит неожиданная встреча, вследствие чего один из них долго не может уснуть

Во время привалов Виктор с Миклошем брали ружья и отправлялись на охоту, чтобы обеспечить своих коллег пропитанием. Нередко подстреленные утки падали в кристально прозрачные горные ручьи, и клоун Густав уже наловчился вылавливать их оттуда.

Казалось, самый трудный участок пути был преодолен. Впереди на горном склоне весело шумели зеленой листвой молодые деревья, а за ними до самого горизонта простиралась широкая равнина. И даже воздух стал как будто теплее.

По вечерам, когда вся компания устраивалась у костра, Пал Чайко развлекал друзей рассказами о своих странствиях, постоянно приговаривая:

— Нам бы только попасть в Салоники, а там все пойдет как по маслу! Вот увидите, какой это прекрасный, замечательный город...

По словам бывшего матроса, эти Салоники были чем-то вроде земли обетованной.

В деревнях и городишках, через которые пролегал путь бродячей цирковой труппы, обитала сплошная беднота. Выручка от представлений

была настолько мизерной, что ее не хватало даже на то, чтобы поужинать в захудалой харчевне.

Деревни точь-в-точь походили одна на другую: всюду жалкие лачуги, напоминавшие конюшни, где хозяева ютились вместе с домашним скотом. Городишки тоже не отличались разнообразием. Как правило, они состояли из нескольких кривых и грязных улочек, а на городских окраинах находились постройки казарменного типа, занятые воинскими частями. Вокруг лениво слонялись турецкие солдаты – неряшливые, в прохудившейся форменной одежке, с голодным блеском в глазах.

– Неудивительно, что здесь, в горах, так плодятся разбойники, – сказал Виктор, – ведь у этих несчастных вояк нет даже нормального оружия.

– Ничего у них нет, – усмехнулся бывший матрос. – Да и откуда может что-нибудь взяться? Я слышал такой анекдот, как получилось, что у турецких пехотинцев нет солдатских ботинок. Однажды султан распорядился выдать из казны мешок денег на приобретение новых ботинок для своих доблестных воинов, стоявших гарнизоном в крепости Монастир. А когда казначей отправился с этим мешком в путь, ему пришло в голову, что у солдат есть еще старые ботинки, которые можно залатать, а на это вполне хватит полмешка денег. Поэтому половину он взял себе.

Доехав на дилижансе до первой же почтовой станции, он подумал, что наверняка не у всех

солдат прохудились ботинки и некоторые не требуют ремонта. И отобрал себе половину оставшихся денег. А потом на каждой следующей станции брал под новыми предлогами половину того, что оставалось. Короче говоря, когда казначей добрался до Монастира — а путь был неблизкий, — в мешке уже едва что-то позвякивало. Местный паша швырнул этот мешок на землю и яростно воскликнул: «Черт побери! Здесь не хватит даже на то, чтобы сшить мне новые сапоги».

Вот так турецкие солдаты остались без обуви, — закончил свой рассказ бывший матрос. — Я уж не говорю о том, что им не платят жалованья. Поэтому они якшаются с местными разбойниками, и им иногда кое-что перепадает из награбленного.

— А кто ж тогда следит за порядком? — спросил Миклош.

— Жандармерия, кто же еще, — уверенно ответил Пал Чайко. — Это совсем другая публика. Они не имеют никакого отношения к казне султана.

В воздухе уже пахло весной, и в горах заметно потеплело.

Миклошу и Виктору, ходившим на охоту, все чаще сопутствовала удача. Однажды им удалось подстрелить такого огромного кабана, что пришлось звать на помощь Громобоя Ивановича

и Пала Чайко, чтобы спустить его со склона горы в долину, где остановились кибитки.

— Ребята, будьте осторожны, — с беспокойством говорил бывший матрос. — Не заходите больше так далеко! В этих краях полно хищников.

— Волков бояться — в лес не ходить! — усмехнулся Виктор.

— Этак мы скоро будем вздрагивать при виде собственной тени, — поддержал приятеля Миклош.

— Молодо-зелено! — вздохнул Пал Чайко. — Чтоб вы знали, волк не опасен, когда он сыт. А вот с медведем шутки плохи, если его потревожить.

Но молодые люди не придали значения словам бывшего матроса, о чем вскоре сильно пожалели.

Однажды вечером Мари-Мари обнаружила, что из съестных припасов осталась только одна тощая куропатка.

— Как же я разделю ее на всех? — запричитала она. — Тут и есть-то нечего!

— Не беда! — успокоил ее господин Барберри. — Сейчас мои парни настреляют еще дюжину... Действуйте, дети мои!

Молодые люди взяли ружья и отправились в небольшую рощицу, раскинувшуюся на горном склоне. Они шли, внимательно глядя по сторонам в поисках достойной добычи. Внезапно неподалеку зашуршали кусты — и оттуда выпрыгнула

молодая косуля. Виктор вскинул ружье, прогремел выстрел. Косуля резко остановилась, припав на передние ноги, но тут же сорвалась с места и стремительно бросилась в чащу.

Виктор не раздумывая ринулся за ней, крича на бегу:

– Эй, а как же наш ужин?

Миклош невольно залюбовался живописным пейзажем, открывшимся перед ним. Вдалеке ослепительно сверкали и искрились снежные вершины, окрашенные лучами заходящего солнца, а внизу серебристой лентой струился горный ручей. Казалось, вся природа наслаждается тишиной и покоем.

Неожиданно это величественное безмолвие разорвал леденящий душу стон, Миклош тотчас бросился в ту сторону, яростно продираясь сквозь кустарники, и через несколько мгновений увидел Виктора, с трудом ковылявшего ему навстречу. Рубаха юноши была разодрана в клочья, а из раны на плече струилась кровь.

– Миклош, помоги! – простонал он.

Ломая кусты, вслед за ним из чащи вышел огромный бурый медведь. Еще немного – и грозный хищник настиг бы свою жертву.

Ружье Миклоша было заряжено дробью, но раздумывать было некогда, и ему ничего не оставалось, как выстрелить из обоих стволов прямо в морду хищника.

Медведь замахал передней лапой перед носом, как будто прогоняя назойливую осу. Из носа у него потекла кровь, взгляд затуманился, и он на какие-то секунды потерял из виду своего противника. Этих мгновений Миклошу хватило, чтобы зарядить ружье патронами, которые заставил его взять Пал Чайко.

А медведь уже поднялся на задние лапы и, грозно рыча, надвигался на него, словно какой-то мифический великан. Миклош крепко прижал приклад ружья к плечу и, когда между ними осталось всего несколько шагов, произвел почти одновременно два выстрела. Медведь пошатнулся и тяжело рухнул на землю. Миклош вытащил из-за пояса охотничий нож и приготовился отразить новое нападение.

Однако медведь и не думал больше нападать. Он поднялся и с глухим урчанием потрусил в чащу.

— Ну нет, ты так просто не отделаешься! — в азарте крикнул Миклош, снова заряжая двустволку, и двинулся вслед за медведем.

И вскоре он наткнулся на медвежью берлогу. Там было пусто, но возле берлоги лежала бездыханная косуля. По всей видимости, как раз здесь она наткнулась на медведя, который счел ее своей добычей и не пожелал делиться с Виктором.

Миклош взвалил ее на плечо и вернулся к тому месту, где оставил приятеля.

Виктор постепенно приходил в себя. Он стоял, прислонившись к дереву, и на его лице, хоть и сохранявшем смертельную бледность, уже появилось слабое подобие улыбки.

— Этот зверюга так огрел меня своей лапищей, как будто железным прутом, — еле вымолвил Виктор. — Просто удивительно, как он не вышиб из меня дух.

— Ничего удивительного, — отозвался Миклош. — Он ведь не был готов к тому, что столкнется с выдающимся гимнастом Виктором Барберри, а не с каким-нибудь чахлым македонским охотником.

Миклош перевязал рану Виктора своим шейным платком, и они условились никому не говорить о том, что произошло. Зачем волновать Мари-Мари? Она, чего доброго, больше не пустит их на охоту.

Однако они просчитались, думая, что смогут обмануть материнские глаза. Мари-Мари еще издали заметила, что Виктор с трудом передвигает ноги. На косулю, представлявшую собой великолепный охотничий трофей, она даже внимания не обратила, глядя только на сына. И вдруг вскрикнула:

— Сынок, что случилось? У тебя же все плечо в крови!

И тут же принялась обнимать и целовать Виктора, роняя слезы на его рану. А затем, охая и причитая, заново перевязала ему плечо.

Пришлось рассказать все без утайки. И напрасно Миклош пытался придать происшедшему вид забавной охотничьей байки, живописуя, как им удалось оставить в дураках и обратить в бегство огромного хищника. Мари-Мари была безутешна. Лишь мадемуазель л'Эстабилье уважительно промолвила:

— Я и не подозревала, что вы такой смельчак.

А Громобой Иванович крепко пожал Миклошу руку. Господин Барберри ошеломленно поглядывал то на Виктора, то на Миклоша и наконец, тяжело вздохнув, пробормотал:

— От этих парней только и жди неприятностей на свою голову. Они оба заслуживают хорошей взбучки!

— Ты прав! — кивнул клоун Густав. — Виктор совершенно не бережет свои руки, как будто гимнастом можно быть и без рук.

Один Пал Чайко пребывал в приподнятом настроении. Возбужденно пританцовывая, он вьюном вертелся вокруг молодых людей, обнимал их и радостно восклицал:

— Так, значит, он дал от вас стрекача? Ну, еще бы! Он-то думал, что напугает вас, как местных охотников, да не тут-то было! Напугать венгра! Ну и ну! У него для этого кишка тонка!..

Громобой Иванович, который, естественно, не мог принять участия в этом разговоре, тем временем освеживал тушу косули и, насадив на вертел сочный огузок, старательно крутил его

Едва они успели распробовать жаркое, как из темноты донесся цокот копыт — и к костру приблизились два всадника.

над огнем, чтобы мясо прожарилось со всех сторон.

Наконец артисты расселись вокруг костра, чтобы приступить к вечерней трапезе. Но этот день продолжал преподносить сюрпризы.

Едва они успели распробовать жаркое, как из темноты донесся цокот копыт — и к костру приблизились два всадника. Каково же было удивление артистов цирка Барберри, когда они узнали в одном из них Сербу, дочь убитого воеводы, а в другом — ее молчаливого седобородого спутника, который, как позже выяснилось, приходился ей дядей.

Всадники спешили и приветствовали артистов как старых знакомых. Лицо Сербы, разрумянившееся от прохладного ветерка, казалось еще прекраснее, чем раньше. Ее ладную фигуру обтягивала узкая амазонка, а на сапожках блестяли и позвякивали крошечные шпоры.

Серба рассказала — а Пал Чайко перевел ее рассказ друзьям, — что она со своими людьми преследовала убийц воеводы до самой Албании, но те укрылись в горных ущельях, и дальнейшее преследование было уже небезопасно. И сейчас она вместе с дядей возвращается домой, но уже скоро покинет родные края, с которыми у нее связано столько горьких воспоминаний. Воевода Шпачов был очень богатым человеком, и на оставленное им состояние Серба сможет беззаботно

жить в любом месте, хоть в Париже, где ее не найдут враги отца.

Седобородый спутник Сербы за все это время не проронил ни единого слова и только, поглядывая на нее, одобрительно качал головой.

Едва она закончила свой рассказ, как Пал Чайко, который уже сгорал от нетерпения, поспешил поведать неожиданным визитерам о подвиге, совершенном его соотечественником, — о схватке Миклоша с огромным медведем.

Напрасно наш герой пытался остановить этот словесный поток.

На бывшего матроса накатило вдохновение, и он восторженно описывал этот смертельный поединок, приукрашивая его все новыми и новыми, придуманными на ходу подробностями.

Когда он закончил, Серба протянула Миклошу руку и произнесла несколько слов, после чего полуночные гости попрощались, вскочили на лошадей и исчезли в ночи.

Вскоре все уже спали, и только Миклош долго сидел у догорающего костра, задумчиво помещивая палкой золу. А потом спросил у бывшего матроса, который лежал поблизости, покуривая короткую трубку:

— Пали, что сказала мне Серба?

— Так это... — сонно пробормотал Пал Чайко. — Это же... Честно говоря, я уже не помню...

И с этими словами он заснул, уронив в траву дымящуюся трубку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*в которой в судьбе наших героев
происходят серьезные перемены*

Вскоре после полудня на главной площади города Салоники раздались необычные звуки: барабанный бой и звон медных тарелок. И горожане увидели странную процессию. Впереди шагали музыканты, которые, надувая щеки, дудели в английские рожки. Следом гарцевал всадник со щегольски подкрученными усами, одетый в черный фрак и белые галифе, заправленные в лакированные сапоги. Голову его венчала широкополая ковбойская шляпа. Это, конечно же, был Цезарь Барберри, директор прославленного цирка, собственной персоной.

За ним на площади появились и остальные члены цирковой труппы – также в парадном одеянии. Дамы в роскошных платьях ехали в открытой карете, украшенной флажками, гирляндами и искусственными цветами. Мадемуазель л'Эстабилье водрузила на свои белокурые локоны такую огромную шляпу, какой в этом городе никогда не видели. Мари-Мари и Мисс Аталанта восседали под цветастым балдахином, словно какие-то средневековые принцессы.

За каретой вышагивал, помахивая массивной дубиной, Громобой Иванович в лохматом парике и в накинутах на плечи медвежьей шкуре.

Следом ехали на лошадях Виктор и Миклош в новых костюмах и в таких же шляпах, как господин Барберри.

За ними шел на ходулях Густав в своем клоунском облачении с изображенной на спине ослиной головой.

А замыкал всю процессию Пал Чайко. Он бил в огромный барабан, неся его на перекинутом через плечо ремне.

Так бродячие цирковые артисты совершили торжественный проход по улицам Салоников, куда они попали после множества приключений.

Прав был Пал Чайко. Салоники – действительно большой город. По крайней мере больше тех, где им до сих пор довелось побывать. Конечно, ему не хватало европейской ухоженности и порядка. Грязными кривыми улочками и обшарпанными домами он походил на все восточные города. И все-таки чем-то неуловимо отличался от них. На узких улочках толпилась самая разнообразная публика: от неряшливых валахов* до изысканно одетых английских купцов. Цыгане, евреи, греки, армяне, турки горланили возле своих лавок, зазывая покупателей, и возбужденно переговаривались между собой, причем каждый на своем языке. Но все они как-то понимали друг друга.

* В а л а х и – обобщенное название некоторых народов Восточной Европы, в частности румын и молдаван.

Это был один из самых оживленных портовых городов на восточном побережье Адриатики. Отсюда в далекие чужеземные края отправлялись большие пароходы, груженные фруктами, изделиями местных мастеров и прочими товарами. Тут непостижимым образом отсталость, романтизм и варварский дух Востока сочетались с достижениями западной цивилизации.

Наряду с другими достоинствами Восток перенял у Запада такие качества, как добросовестность, педантичность и практицизм. И местные жители уже начинали превосходить по деловым качествам переселившихся сюда европейцев. Они посылали своих отпрысков на учебу в Париж и Берлин, а в офисах крупных гамбургских фирм всегда оказывались два-три практиканта с Востока, приехавшие, чтобы выведать секреты мировой коммерции и уже дома реализовать свои знания на деле. И как раз из их числа все чаще выходили самые богатые и именитые горожане. Так, сын простого ловца губок становился крупным коммерсантом и рассылал эти самые губки по всему свету. Здесь, в Салониках, не один купец составил себе миллионное состояние, приторговывая старинными албанскими ружьями ручной работы.

В этом гомоящем многолюдном городе появление цирковой труппы не вызвало ажиотажа. Вероятно, здесь уже не раз побывали и другие циркачи. Напрасно нанятые директором цирка

музыканты старательно выдували из своих инструментов торжественные звуки, напрасно Пал Чайко изо всех сил бил в большой барабан. В лавках все так же шла нескончаемая бойкая торговля, и никто не обращал внимания на бродячих артистов.

— Скажи мне, первый шталмейстер, на кой черт ты заманил нас в эти Салоники? — брюзжал господин Барберри, слезая с лошади возле установленного на площади циркового шатра. — Здесь никого не интересует высокое искусство.

— Тут нет даже уличных мальчишек, — надула губки Мисс Аталанта, привыкшая в маленьких городках бросаться в сверстников скорлупками арахиса.

Но бывший матрос не терял присутствия духа.

— Подождем до вечера! Увидите, все будет в порядке, — уверял он. — Вечером все лавки закроются и люди разойдутся с улиц в поисках развлечений. Здесь почти столько же театров и варьете, как в Париже. И к нам публика тоже валом повалит, не сомневайтесь!

Чтобы как-то скоротать время до вечера, директор цирка решил посидеть вместе с Виктором и Миклошем в каком-нибудь кафе. Он очень любил такое времяпрепровождение и, если б у него не было никаких дел, сидел бы в кафе с утра до вечера.

Едва они вышли на оживленную центральную улицу, как господин Барберри сорвал с головы шляпу и радостно воскликнул:

– Добрый день, господин полковник!

Им навстречу шел чернобородый человек богатырского телосложения в новенькой военной форме. Молодые люди сразу узнали полковника Сими́ча.

– Как я рад вас видеть! – заулыбался господин Барберри.

Офицер оторопело поглядел на директора цирка, как будто видел его впервые в жизни и, поправив висевшую на боку саблю, прошествовал дальше.

Барберри обиженно крикнул ему вслед:

– Эй, полковник, это так-то вы обращаетесь с друзьями?

Офицер ускорил шаг и свернул в ворота двухэтажного здания, украшенного гербом с короной, который обрамляла надпись на французском языке: «Военная миссия Российской империи».

– Выходит, Сими́ч и вправду состоит на службе в царской армии, – покачал головой директор цирка. – И слава Богу, что мы благополучно отделались от него... Конечно, конечно, – продолжал брюзжать господин Барберри, когда они уже сидели в кафе. – Где уж ему узнавать бедных артистов, с чьей помощью он доставил порох и оружие македонским бунтовщикам?

От этого происшествия его отвлекла только игра в домино, затеянная за соседним столиком. Он примкнул к игрокам, забыв обо всем на свете, и опомнился, только когда Виктор взял его за руку:

– Папа, пора уже начинать представление.

Подходя к площади, они увидели большую толпу, окружавшую цирковой шатер. Пал Чайко усердно стучал в большой барабан, Мари-Мари и Мисс Аталанта нарезали ножницами входные билеты, а Густав в своем клоунском одеянии бегал вокруг шатра и шлепал пустым мешком по рукам тех, кто намеревался бесплатно насладиться искусством, проделывая дырочки в шатре.

– Дорогой мой! – весело прощепетала Мари-Мари. – Сегодня у нас будет замечательный вечер!

– Вот и славно! – кивнул Барберри. – После стольких злоключений мы этого заслуживаем.

Пал Чайко в очередной раз оказался прав. Народу в цирке было полно. Представление имело успех. Особый восторг публики вызвало выступление Миклоша – его рискованная воздушная акробатика на трапециях.

Артисты уже покинули арену, когда к Миклошу в раздевалке подошел Виктор.

– С тобой хочет поговорить какой-то иностранец, – сообщил он. – Кажется, француз.

– Но я мало что понимаю по-французски. Так, кое-чего понахватался от мадемуазель л'Эстабилье.

– Ничего, – успокоил его Виктор. – Я буду переводчиком.

– Ну что ж, давай! – пожал плечами Миклош.

Виктор вышел и через минуту вернулся в сопровождении элегантного пожилого господина.

– Анри Сидоли, – представился иностранец, – директор парижского и лондонского цирка «Сидоли-Робинсон».

Миклош смущенно поклонился, а Виктор застыл как вкопанный, вытаращив глаза: перед ними стоял директор всемирно известного цирка!

– Я здесь по служебным делам, – пояснил господин Сидоли. – Мне надо ангажировать албанских мужчин и женщин для участия в большой пантомиме, которую мы будем зимой показывать в Париже. Это примерно такая же пантомима, как ваша, – добавил он с улыбкой, – но у нас будет задействована очень большая массовка, до тысячи человек.

В эту минуту в раздевалке появился господин Барберри. Ему уже доложили о появлении знаменитого гостя, и он пришел засвидетельствовать свое почтение. Анри Сидоли пожал ему руку, учтиво поблагодарив за доставленное удовольствие, и предложил сразу же перейти к делу.

– Я хочу пригласить господина Касони на работу в мою цирковую труппу, – решительно

заявил он, не дожидаясь ответа, — и готов сегодня же заключить с ним контракт. Завтра утром сюда прибывает французский пароход «Лувр», на котором мы отплываем в Марсель, а оттуда едем в Париж.

Миклош в растерянности переминался с ноги на ногу, не зная, как ему реагировать на такое предложение.

— Послушайте, что я вам скажу, месье Касони, — продолжал француз. — Я человек деловой и слов на ветер не бросаю. Я сразу понял, что с вашими способностями вы можете стать лучшим воздушным гимнастом в мире. Сидоли никогда не ошибается. Мой отец в свое время открыл талантливого канатоходца Блондена, который впоследствии сумел пройти над Ниагарским водопадом. В нашей труппе получил путевку в жизнь лучший наездник-вольтижер Сорренто. А я привез из Индии тибетского монаха, который своим искусством фокусника восхищал все пять континентов. Мы работаем по-крупному. Заключаем контракты только с самыми лучшими артистами и щедро оплачиваем их труд. И на заслуженный отдых они уходят, уже будучи очень обеспеченными людьми... Скажите, месье Касони, неужели вы не хотели бы покончить с бродячей жизнью, с лишениями, с нищетой?

Миклош поглядел на помрачневшего господина Барберри и на Виктора, понуро склонившего голову, и не нашелся с ответом.

— Я предлагаю вам следующие условия, — продолжал тем временем Сидоли. — В течение года вы будете проходить обучение в моей труппе под руководством опытных наставников, которых мы нанимаем специально для работы с новичками. За этот период вы получите пять тысяч франков, а после вашего первого выступления сумма будет увеличена настолько, насколько вы оправдаете наши ожидания. Может быть, вы будете получать вдвое больше, а может быть, и в десять раз.

Тут вперед выступил господин Барберри.

— А как же я, сударь? — спросил он, нахмурившись. — Что будет со мной?

Сидоли пожал плечами.

— Это меня не касается.

— Вот как? — вскипел толстый коротышка. — Значит, я должен закрыть глаза на то, что вы разрушаете мою труппу, забирая лучшее, что у меня есть? И молчать в тряпочку, — так, что ли?

— А сколько вы платите месье Касони?

Господин Барберри, не ожидавший этого вопроса, растерянно поглядел по сторонам. Но тут ему в голову пришла спасительная мысль.

— Он мой приемный сын, а это как-никак затраты...

— На что?

— Ну как же? — засуетился Барберри. — Пропитание, одежда...

Сидоли достал чековую книжку.

– Я выпишу вам чек на тысячу франков, который вы сможете обналичить в любом французском банке. Думаю, эта сумма с лихвой покроет все ваши расходы.

Миклош с замиранием сердца ждал, какотреагирует на это господин Барберри. Примет ли он деньги, хотя и не имеет на них никакого права, или с негодованием швырнет этот чек к ногам француза?

Барберри спокойно сунул чек в карман.

– Все в порядке, – сказал он.

«Ну, вот я и продан», – подумал Миклош, ощутив в душе безмерную горечь. В эту минуту он явственно увидел алчность и бесхребетность директора цирка.

Он повернулся к Сидоли:

– Я принимаю ваше предложение.

– Вот и хорошо, – француз пожал ему руку. – Значит, завтра в девять утра я жду вас на палубе «Лувра».

Стоит ли говорить, как опечалилась вся маленькая цирковая труппа, узнав эту новость?.. В конце концов на господина Барберри так подействовали слезы женщин, пролитые во время ужина, что он решил немедленно отыскать француза и вернуть ему чек. Но напрасно они с Виктором бродили по всем городским закоулкам. Француз как сквозь землю провалился.

Обычно молчаливый Громобой Иванович в этот вечер не на шутку разговорился и начал

что-то доказывать Густаву, который когда-то усвоил несколько русских слов, гастролируя по российским городам. Клоун в ответ кивал головой, уныло потягивая пунш из большой кружки. У Мари-Мари глаза были на мокром месте, а Виктор понуро сидел в сторонке, переживая из-за случившегося, как будто был в чем-то виноват.

Один только Пал Чайко и не думал унывать.

— Не грусти! — хлопнул он Виктора по плечу. — По крайней мере из нашего Миклоша выйдет большой человек. И мы еще будем гордиться, что знакомы с ним!

Уже поздно вечером, бросившись на кровать в маленькой гостиничной комнатухе и закрыв глаза, Миклош прошептал:

— Так, значит, я еду в Париж!

И перед его мысленным взором неожиданно возникло видение: прекрасное лицо и ладная девичья фигурка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, *в которой речь идет о цирке*

Знаменитый парижский цирк «Сидоли-Робинсон» находился на площади Батиньоль. самого господина Робинсона никто никогда не видел — он постоянно сидел в конторе, занимаясь

документацией, бухгалтерскими отчетами и служебной корреспонденцией.

Цирк представлял собой огромное сооружение высотой с пятиэтажный дом, с куполообразной крышей, манежем и амфитеатром, рассчитанным на пять тысяч зрителей.

К главному зданию примыкал целый ряд одноэтажных пристроек, где размещались склады, актерские гримерные, просторные конюшни для нескольких сотен лошадей. В общем, это был небольшой, но довольно многолюдный городок, в котором Сидоли поддерживал безупречный порядок.

За время ученичества Миклош основательно изучил внутренний мир цирка, скрытый от посторонних глаз, весь его жизненный уклад. И со всей определенностью понял, какая пропасть разделяет бродячую цирковую труппу Барберри и настоящих, профессиональных артистов.

Здесь царила поистине армейская дисциплина. В девять утра удар большого колокола оповещал о том, что пора приступать к работе. На манеже начинались репетиции и подготовка к вечернему представлению. В первую очередь штальмейстеры выводили на манеж новых, еще не обученных лошадей, с которыми занимался известный дрессировщик господин Кокс.

Эта дрессировка интересовала Миклоша больше всего. Он знал лошадей, ведь в цирке Барберри ему не раз доводилось выступать и в качестве наездника-вольтижера. Но тут он понял, что ло-

шадей можно знать по-разному: либо поверхностно, либо основательно.

Господин Кокс знал лошадей досконально.

Это был маленький, сухопарый седой человек, и только по какому-то особому блеску его черных глаз можно было догадаться, что за этой невзрачной внешностью скрывается незаурядная личность. С помощью стека он укрощал самых диких, самых строптивых лошадей. Правда, только путем длительной кропотливой работы удавалось добиться того, чтобы лошадь останавливалась от одного его взгляда. Но зато результат впечатлял. Кокс долго глядел в глаза лошади, а затем, потрепав ее по загривку, легким толчком валил наземь. Миклош не переставал удивляться, как этому тщедушному человечку удается подчинять своей воле, умирять самых норовистых скакунов, пока не поверил в легенду, ходившую в стенах цирка, которая приписывала господину Коксу сверхъестественную магическую силу воздействия на животных.

Однако не всегда все шло так гладко. Случалось, что какая-нибудь лошадь упрячилась и не желала подчиняться. Тогда господин Кокс взмахивал стеком — и по этому знаку шталмейстеры выпускали на манеж его личного вороного жеребца, а тот уже знал, что надо делать. Он договнял строптивную лошадь и принимался кусать и лягать ее, заставляя вернуться туда, где, улыбаясь и поигрывая стеком, стоял господин Кокс.

По сигналу колокола лошади покидали манеж, и начиналась новая репетиция. Один за другим появлялись эквилибристы, жонглеры, фокусники, силовые акробаты и два десятка клоунов, которые вовсю дурачились и паясничали, готовясь к вечернему представлению.

А потом наступала очередь Миклоша, оттачивавшего свое мастерство под руководством высококлассного художавого англичанина и низкорослого коренастого немца.

Для этого над манежем во всю ширину закрепляли страховочную сетку, после чего цирковые униформисты, с кошачьей ловкостью забравшись по канатам под самый купол, опускали тросы с привязанными к ним на различной высоте трапециями. Господин Сидоли всегда появлялся в это время в ложе второго яруса и внимательно следил за происходящим.

Миклош, одетый в черное трико, и художавый англичанин – его звали мистер Бомби – залезали по канатам на трапеции: англичанин на ту, что находилась выше, Миклош – на нижнюю. Мистер Бомби держал в руках канат, прикрепленный к нижней трапеции.

– Готов? – спрашивал англичанин.

– Йес! Да! – отвечал Миклош.

– Начали! – командовал мистер Бомби.

И сразу же принимался раскачиваться, увлекая за собой Миклоша, стоявшего на нижней трапеции. Эта трапеция была привязана к самым

длинным тросам и поэтому описывала в воздухе более широкую дугу, взлетая все выше и выше.

Поодаль, на расстоянии примерно десяти саженей*, качалась еще одна трапеция, на которой висел вниз головой немецкий наставник, державшийся согнутыми в коленях ногами за перекладину.

И это расстояние постоянно увеличивалось, потому что Миклош все выше и выше взлетал над манежем. И когда уже казалось, что без крыльев преодолеть эту дистанцию совершенно невозможно, он по команде англичанина, оттолкнувшись ногами от трапеции, устремлялся вниз. И через считанные секунды его руки встречались с сильными руками немца.

Но не всегда этот смелый трюк заканчивался удачно. Случалось, что англичанин давал команду раньше времени или Миклош чуть позже срывался с трапеции, и немец уже не мог его поймать в назначенной точке, и тогда он, раскинув руки, падал с огромной высоты. Правда, внизу находилась страховочная сетка, но после такого падения Миклош долго не мог пошевелить ни рукой, ни ногой и часами лежал в обморочном состоянии.

И все чаще его одолевали мрачные мысли. Он с горечью размышлял о том, что отныне не сможет заниматься ничем другим, кроме как рисковать жизнью ради развлечения публики.

* Саже́нь — мера длины, равная 2,13 м.

Уединясь в своей комнатухе, отведенной ему при цирке, Миклош вспоминал отчий дом на берегу Тисы и дебреценскую гимназию, и на глаза его наворачивались слезы.

Однако на память тут же приходили слова, которые он нередко слышал от своих наставников и от господина Сидоли:

— Месье Касони, вы станете королем цирка!

Но даже это его уже не радовало.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой из верхнего яруса летит букет
белых цветов*

Этот год, явившийся для Миклоша периодом ученичества, пролетел незаметно. За это время он вполне освоился в Париже, научился бегло говорить по-французски и уже хорошо знал все радости и горести цирковой жизни.

За этот год погибли трое воздушных гимнастов. Они сорвались с трапеций и с огромной высоты упали на арену. Эта высота была несоизмерима с той, на которой Миклош работал в цирке Барберри, и у них не было никаких шансов остаться в живых.

Господин Сидоли, качая головой, поговаривал:

– Плохой год: много похорон.

Конечно, он позаботился о семьях этих несчастных, коим никогда больше не увидеть солнечного света. Но разве это поможет унять горечь утраты?

Когда наступил декабрь, обильно усыпавший снегом дома и улицы, у Миклоша кончился период ученичества. Мистер Бомби и коренастый немец доложили директору цирка, что их ученик усвоил все премудрости профессии и готов выступать перед публикой. Осталось только провести последнюю, генеральную репетицию.

На эту репетицию собралась вся огромная цирковая труппа вместе с обслуживающим персоналом, заняв почти все места в зрительном зале. Оркестр сыграл туш – и директор цирка, облаченный в белый фрак, вывел на арену Миклоша. Артисты, исполнявшие в этот раз роль зрителей, встретили своего новоиспеченного коллегу бурными овациями. Особый восторг у женской части труппы вызвало одеяние Миклоша, сделанное по специальному заказу господина Сидали: серебристое трико с золотыми крыльями за спиной.

Дирижер оркестра сочинил для номера Миклоша новый марш, который сейчас исполнялся впервые.

Наставники Миклоша – мистер Бомби и коренастый немец – переживали больше, чем он сам.

По окончании номера зрительный зал взорвался
восторженными аплодисментами.

И воспитанник не подвел их, оказавшись в полном смысле слова на высоте. Он легко парил в воздухе, как большая птица, даже не думая об опасности, а ведь в этот день из-под трапеций в первый раз убрали страховочную сетку.

По окончании номера зрительный зал взорвался восторженными аплодисментами. А затем все бросились поздравлять отважного гимнаста. Эквилибристи, фокусники, вольтижеры, клоуны, цирковые борцы, дрессировщики обнимали Миклоша, пожимали руку и искренне восхищались его мастерством. Все это международное цирковое сообщество, прибывшее сюда из самых разных концов света – здесь был даже австралийский шпагоглотатель, – торжественно приняло его в свои ряды, безоговорочно признав королем цирка. Поздравляли и его наставников, и господина Сидоли, который с удовольствием раскланивался, принимая выражения восторга на свой счет. У всех было приподнятое настроение, и только Миклош чувствовал себя не в своей тарелке.

«За что мне все эти овации и похвалы? – размышлял он, понуро бредя в свою грим-уборную. – За то, что я не сломал себе шею?»

И ему нестерпимо захотелось увидеть родной дом, деревеньку на берегу Тисы, отца и дядюшку Мартонфалви, сидящего со своей неизменной трубкой во дворе под тутовым деревом.

– Что с вами, месье Касони? – раздался совсем рядом голос, который вывел его из задумчивости.

Миклош поднял голову – и увидел директора цирка.

Он не сразу нашелся с ответом. Ему не хотелось изливать душу перед посторонним для него человеком, который вряд ли понял бы его.

И он неожиданно для самого себя выпалил:

– Я хочу собаку. Пастушью собаку – из тех, что водятся в венгерских степях.

Господин Сидоли улыбнулся:

– Вы не поверите, месье Касони! Я как раз шел к вам, чтобы спросить, какой подарок вы хотели бы получить в награду за первое выступление в моем цирке.

– Я хочу собаку! – повторил Миклош.

– Хорошо, будет вам собака, – пожал плечами директор цирка, привыкший к причудам артистов. И внезапно, словно эта мысль только что пришла ему в голову, воскликнул:

– Ага, я понял, почему вы хотите венгерскую пастушью собаку! Вас что-то гложет. И я уже знаю, что именно. Ностальгия.

И Миклош вынужден был признать, что этот многоопытный, умудренный жизнью человек абсолютно прав. А господин Сидоли продолжал:

– Выкиньте из головы эти глупости, месье Касони. Наш дом – весь мир. Сами подумайте, кому в Венгрии нужен человек-птица? Там и цирка-то

такого нет, где вы могли бы продемонстрировать свое искусство.

И Миклошу вновь пришлось признать правоту господина Сидоли. Вернуться на родину в качестве бродячего циркового артиста и опять влачить жалкое полуголодное существование — после того как он добился всего, о чем можно только мечтать?

Он понимал, что к прошлому нет возврата, но в глубине души что-то мешало ему смириться с этой мыслью.

Через несколько дней по всему городу были расклеены афиши, извещавшие парижан о выступлении «короля цирка». На этих афишах художник изобразил Миклоша в натуральную величину, парящим в воздухе в своем нарядном серебристом трико с золотыми крыльями.

Эти афиши сразу привлекли всеобщее внимание — возле них постоянно толпился народ, и только и разговоров было, что о готовящемся представлении.

Миклошу так понравились эти афиши, что он решил послать одну отцу, в Венгрию. Покинув тайком родные края, он изредка писал Яношке о своих приключениях, о том, что ему пришлось пережить за время странствий. И теперь наконец он может сообщить о своем триумфе. Взяв афишу, он отправился на почту, с замиранием сердца размышляя, как воспримет это отец.

Будет ли он рад успехам своего блудного сына или все еще таит на него обиду?

Углубившись в свои мысли, Миклош не сразу обратил внимание на человека, который поклонился ему, сняв при этом шляпу. И только когда тот проделал это вторично, рассеянно полез в карман за мелочью, подумав, что перед ним обычный уличный попрошайка. Но в кармане оказалась всего лишь одна монета, и, вынув ее, Миклош обнаружил, что это серебряный талер, полученный когда-то в Дебрецене от бывшего семинариста.

— Да это же мой талер! — слышался знакомый голос. — Так тебе удалось его сохранить!

Миклош поднял голову и, приглядевшись, воскликнул:

— Господин Буго! Как я рад вас видеть!

Пал Буго порывисто обнял его и растроганно забормотал:

— А мне-то сначала показалось, что ты возгордился и не хочешь узнавать меня... Но я никогда не ошибаюсь в людях. Нет-нет, ты ничуть не изменился. Все тот же славный парень. Я смотрю, и талер сохранил, который я тебе дал.

— Сохранил, господин Буго. И он принес мне удачу. Все кости у меня целы, хотя я имел массу возможностей их переломать.

— Мы все знаем, — кивнул Пал Буго. — Наслышаны о твоих приключениях и рады, что тебе удалось добиться таких успехов. Я привез сюда

Белу Винцехиди – показать ему Париж, и мы сразу купили билеты на первое представление с твоим участием... Представь себе, мы приехали сюда на поезде, – добавил он ворчливо, – хотя я уже дважды проделывал этот путь пешком.

– Вы все такой же, господин Буго, – улыбнулся Миклош. – Ничуть не изменились.

– Зато тебя прямо-таки невозможно узнать, – с живостью отозвался бывший семинарист-проповедник. – Повзрослел, возмужал. Гляди-ка, уже и усы пробились!.. Воистину надо иметь такое зрение, как у Пала Буго, чтобы различить тебя в этой толчее.

– Что у нас дома? Как там дела? – обеспокоенно спросил Миклош.

– Все в порядке. Ничего такого, слава Богу, не стряслось. Конечно, твой отец постарел, но еще больше состарился дядюшка Мартонфалви. А Яношка поступил в университет, будет учиться на юриста.

О многом еще хотелось Миклошу спросить у Пала Буго, но тот уже заторопился к своему воспитаннику, пообещав, что зайдет сразу после представления.

И вот наконец наступил этот долгожданный вечер. Публика до отказа заполнила весь огромный амфитеатр, так что яблоку негде было упасть. Войдя в свою гримерную, Миклош увидел белую пастушью собаку – обещанный пода-рок господина Сидоли.

— Здравствуй, Тиса! — воскликнул Миклош, с ходу дав ей имя. Собака, услышав родную венгерскую речь, встрепенулась и радостно завиляла хвостом.

Миклош быстро переоделся. Оркестр уже играл вступительный марш. Господин Сидоли нетерпеливо постучал в дверь гримерной:

— Месье Касони, ваш выход!

Когда Миклош вышел на арену, его охватила глубокая апатия. Не было ни волнения, ни страха, словно ему предстояло выполнить какую-то привычную и давно опостылевшую процедуру. Мистер Бомби натянул канат, и Миклош с невероятной быстротой забрался под самый купол. Рискованный полет был выполнен так же мастерски, как и на репетициях. Миклош летел вниз с огромной высоты, и золотые крылья у него за спиной ослепительно сверкали в лучах прожекторов. По точно рассчитанной траектории он преодолел расстояние примерно в двадцать саженей — и немец, висевший на своей трапеции вниз головой, уверенно поймал его за руки, и уже через несколько секунд Миклош стоял на арене.

Никогда еще завсегдатаи этого цирка не видели ничего подобного. Несколько слаонервных дам, взвизгнув, упали в обморок. И началось светопреставление. Публика не на шутку разбушевалась, в неистовстве опрокидывая кресла,

и казалось, что стены цирка содрогаются от грома оваций. Этот невообразимый гвалт ошеломил и парализовал Миклоша. Ему вдруг стало не по себе, почудилось, что купол над ним раскалывается на две части, а земля качается и уходит из-под ног. В груди как будто что-то оборвалось, он зашатался и впервые в жизни потерял сознание.

Он не помнил, как его подняли и увели с арены. Помнил только, что директор уже позже с трудом вывел его на поклон к восхищенной публике. Миклош увидел на манеже букетик белых цветов, брошенный, вероятно, из какого-то верхнего яруса, поднял его и, снова зашатавшись, вцепился в руку директора.

В гримерной он рухнул на стул и чуть слышно пробормотал:

– Господин Сидоли, мне плохо...

– Врача сюда! Скорее! – крикнул директор и, пристально поглядев в глаза юноши, тяжело вздохнул. – Несчастный! Все кончено. Больше вы уже не сможете выступить.

Публика все никак не успокаивалась, бурно выражая свой восторг, а герой этого дня снова потерял сознание.

Солнце уже стояло высоко в небе, когда Миклош очнулся и обнаружил, что лежит на кровати в своей маленькой комнатке. И сразу увидел у себя на одеяле букетик белых цветов, который

кто-то бросил ему на арену. Он понюхал эти цветы – и его бледное лицо порозовело от их аромата. И тут из букета выпала тонкая бумажная ленточка. Сердце Миклоша затрепетало от волнения, когда он заметил выведенное на ней бисерным почерком имя: Серба.

Но на одеяле лежало и еще что-то. Это была телеграмма. Он развернул ее, прочитал – и на лбу у него выступил холодный пот.

В телеграмме было написано:

«Срочно приезжай. Папа умер. Янош».

Так вот почему он первый раз в жизни упал в обморок и так и не смог насладиться славой, к которой так долго стремился.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, *из которой становится ясно, что в поисках счастья люди выбирают разные пути*

Минуло уже два года с тех пор, как в ньиришашском имении появился новый хозяин. Это был не кто иной, как Миклош Касони, который после смерти отца вернулся домой, решив навсегда порвать с цирковым искусством. Он до сих пор испытывал головокружение, глядя вверх – на облака или на парящих в воздухе птиц. Он об-

ращался к врачам, и те в один голос твердили, что у него боязнь высоты. Этот недуг, от которого можно излечиться, только ведя спокойный, размеренный образ жизни, выработался у него в процессе репетиций рискованных трюков в цирке Сидоли. Неоднократные падения с огромной высоты не пошли ему на пользу. И, конечно, о возвращении туда не могло быть и речи.

Братья договорились, что Миклош будет вести хозяйство в отцовском имении, ежемесячно выделяя Яношу часть доходов, чтобы тот мог получить высшее образование и поступить в коллегия адвокатов.

Это вполне устраивало Миклоша. Он смертельно устал от кочевой жизни и теперь наслаждался покоем отчего дома. Осенними вечерами под монотонный шум дождя он нередко вспоминал всех тех, с кем так долго делил радости и невзгоды, странствуя по чужим краям. Дядюшка Мартонфалви сидел возле печки, попыхивая своей неизменной трубкой, и готов был до бесконечности слушать рассказы о его приключениях.

Однажды в дождливый, как обычно, осенний день старик сообщил Миклошу, что возле трактира стоят точно такие же разукрашенные кибитки, как и те, с которыми юноша когда-то покинул родную деревню.

— Надеюсь, теперь-то ты не отправишься бродяжничать с циркачами, — пробурчал дядюшка Мартонфалви.

– Ну еще чего! – рассмеялся Миклош.

Но его уже одолевало любопытство, и, едва дождавшись вечера, он поспешил туда, где стояли аляповато раскрашенные кибитки. И еще издали разглядел транспарант с выведенными на нем большими буквами:

Миклош прибавил шаг – и вскоре увидел хорошо знакомый ему шатер, освещаемый изнутри старыми керосиновыми лампами. В кассе так же, как и раньше, сидела Мари-Мари, продавая билеты. И даже крутившаяся рядом Мисс Аталанта совершенно не изменилась, только стала чуть выше ростом.

Миклош поднял воротник плаща, надвинул на глаза шляпу, чтобы его не узнали, и, взяв билет, вошел внутрь.

Едва он занял свое место, как послышались звуки старой разбитой шарманки – и на арену,

как обычно, выехал господин Барберри на вороном жеребце. За ним бежал клоун Густав, отчаянно гримасничая и отпуская грубоватые шутки, с одобрением принимаемые публикой. Потом вышел Виктор в своем изрядно потертом розовом трико и все тех же поношенных тапочках. Сверкая белозубой улыбкой и посылая зрителям воздушные поцелуи, он исполнил несколько несложных упражнений на двух трапециях. И все это время на арене жизнерадостно суетился Пал Чайко, развлекая публику незамысловатыми фокусами. По сияющему лицу бывшего матроса и портового грузчика видно было, что он наконец-то обрел свое истинное призвание.

И вообще все до единого так весело, с таким душевным подъемом демонстрировали зрителям свой нехитрый репертуар, что казалось, будто у них никогда не было более счастливого дня, чем этот.

Глядя на них, Миклош приходил к мысли, что эти люди рождены для полной лишений кочевой жизни и другого счастья не ищут. Они бы зачали, если б им пришлось долго оставаться на одном месте.

Миклошу захотелось подойти к своим старым друзьям, но он опасался нарушить царившую в этой компании атмосферу бесшабашного веселья. И все-таки любопытство взяло верх. Интересно было узнать, где они странствовали, где

побывали после того, как распрощались с ним в Салониках.

И он направился в актерскую раздевалку.

— Посторонним вход воспрещен! — раздался строгий голос господина Барберри.

— Это я-то посторонний? — усмехнулся Миклош, снимая шляпу.

Виктор бросился к нему и, заключив в объятия, взволнованно воскликнул:

— Миклошка, ты все-таки решил вернуться!

А Мари-Мари поцеловала его и со слезами на глазах проговорила:

— Как я рада тебя видеть! Я всегда буду помнить, что ты спас моего сына!

Эти люди по-настоящему любили его, и казалось, конца не будет приветственным возгласам и объятиям...

А потом все расселись на чем попало — стульев в актерской раздевалке не хватало даже для маленькой труппы, — чтобы начать неспешный разговор. Пал Чайко предложил Миклошу присесть на большой барабан, после чего, расплывшись в улыбке, провозгласил:

— Наш Миклош вернулся! Теперь у нас дела пойдут еще лучше, чем раньше!

Но Миклошу пришлось разочаровать своих друзей. Услышав, что он не намерен больше вести кочевую жизнь и выступать на арене, они грустно притихли.

А господин Барберри вытаращил глаза от удивления:

– Как? Неужели тебя не тянет хоть иногда пуститься в путь?

– Нет, – отрезал Миклош.

– Невероятно! – пробурчал директор цирка. – Я бы и неделю не смог провести на одном месте!

– И я тоже, – подхватил Виктор. – Я стал таким же бродягой, как папа. Снег ли, дождь – не имеет значения. Главное – не останавливаться, ведь у нас весь мир впереди!

За те несколько дней, что цирковая труппа Барберри находилась в Ньиришаше, Миклош провел в кругу друзей много счастливых часов. Они рассказывали ему о своих приключениях на Балканах, о тех трудностях, что подстерегали их на пути в родные края, делились своими планами. В ближайшее время они собирались отправиться в Россию, ведь только там – если верить господину Густаву – у цирковых артистов есть возможность разбогатеть.

– Вы и без того богаты, – заметил Миклош. – Бодрость духа и гармония с окружающим миром делают вашу жизнь счастливой, где бы вы ни находились. А мое сердце снедает печаль...

– И эту печаль зовут Сербой, – с улыбкой промолвил Виктор.

Миклош молча кивнул головой.

Но печалился он недолго и той же зимой отправился в Париж, где жила вместе со своим дядей дочь македонского воеводы.

Она согласилась стать женой Миклоша, так что домой он вернулся уже не один.

Из Сербы вышла рачительная венгерская хозяйка, и молодые зажили душа в душу.

По вечерам они частенько вспоминали прошлое, свои безрассудные поступки и рискованные приключения.

— Я тогда мечтал стать королем цирка! — поговаривал Миклош.

— А я была македонской бунтовщицей, — добавляла Сербка.

И при этом они каждый раз весело смеялись.

Оглавление

Предисловие от издательства	3
<i>Глава первая,</i> в которой мы знакомимся с молодыми и не очень молодыми героями этой истории, в том числе и с одним выпускником семинарии	5
<i>Глава вторая,</i> в которой мы знакомимся с жизнерадостными людьми, не теряющими присутствия духа даже в затруднительных ситуациях	21
<i>Глава третья,</i> в которой наш герой делит радости и горести с артистами цирковой труппы, а трапедия оказывается не такой надежной, как считал господин Густав	28
<i>Глава четвертая,</i> в которой мы видим, как много усилий прилагает наш герой, чтобы стать прилежным учеником, и чем это заканчивается	52
<i>Глава пятая,</i> в которой Цезарь Барберри собирается покорять мир, и в этом ему помогают некоторые из наших знакомых	62

<i>Глава шестая,</i> в которой постоянно заходит речь о странном фракте полковника, а господин Барберри признает, что не был достаточно ловким дипломатом.....	81
<i>Глава седьмая,</i> в которой перед нашими путешественниками проплывают, как в сновидениях, средневековые города	97
<i>Глава восьмая,</i> в которой наши герои обретают свободу передвижения и начинают заниматься своим делом	107
<i>Глава девятая,</i> в которой наши герои отправляются навстречу приключениям, рассчитывая вернуться обратно сказочно богатыми	122
<i>Глава десятая,</i> в которой ночные посетители нарушают покой наших путешественников, особенно одного из них	136
<i>Глава одиннадцатая,</i> в которой мастер сожалеет о созданном им произведении	143
<i>Глава двенадцатая,</i> в которой наши юные герои подвергаются смертельной опасности, а потом происходит неожиданная встреча, вследствие чего один из них долго не может уснуть	154

<i>Глава тринадцатая,</i> в которой в судьбе наших героев происходят серьезные перемены	165
<i>Глава четырнадцатая,</i> в которой речь идет о цирке	175
<i>Глава пятнадцатая,</i> в которой из верхнего яруса летит букет белых цветов	180
<i>Глава шестнадцатая,</i> из которой становится ясно, что в поисках счастья люди выбирают разные пути	190

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Дьюла Круги

КОРОЛЬ ЦИРКА

Художественный редактор *А. Н. Корниенко*
Технический редактор *Н. В. Савостьянова*
Компьютерная верстка *А. Ю. Анненкова*
Корректор *М. В. Серебрянцева*

Подписано в печать 10.06.2014. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура Школьная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 12,2.
Тираж 3000 экз. Изд. № 1115. Заказ № 192.

ЗАО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>

Распространение издания
осуществляет ООО НЦ «ЭНАС».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-20. E-mail: real@enas.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51.

